

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 50 (757)

10 сентября 1938 г., суббота

Цена 30 коп.

Лев Толстой

Вчера исполнилось 110 лет со дня рождения гениального русского писателя Льва Николаевича Толстого.

Так велика сила его гения, что каждое поколение находит в произведениях Толстого новые стороны. «...Нет человека более достойного имени гения, — писал Горький о Толстом, — более сложного, противоречивого и во всем прекрасного, да, да во всем. Прекрасного в каком-то особом смысле, широком, неуловимом словом; в нем есть нечто, всегда возмужавшее у меня желание кричать всем и каждому: смотрите, какой удивительный человек живет на земле! Но он, так сказать, всеобъемлюще и прежде всего человек, человек человечества».

Так велик поэтический талант Толстого, что своим творчеством он утвердил новые законы искусства.

Лев Толстой выступил как художник еще при крепостном праве. В течение полувека он рисовал Россию деревенскую, Россию могучую и уютную, он был зеркалом революции 1905 года.

Творчество Толстого — величайшее доказательство того, что подлинное искусство всегда современно, всегда отражает существенные стороны действительности.

Творчество Толстого трагически противоречиво. И ленинские статьи о Толстом дают классический анализ причин, породивших эти противоречия.

Но можно ли Толстого представить эмигрантом от действительности, проповедником «чистого» искусства для немногих? Нет, нельзя. Гениальное в искусстве всегда принадлежит народу, всегда доступно мыслям и чувствам миллионов людей. Проходят века, но вновь и вновь человечество будет обращаться к «Войне и миру», к «Анне Карениной», к «Казакам», как к источнику раздумья и поэтического наслаждения. В чем же сила Толстого, в чем его бессмертие?

«...Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, — писал Ленин, — сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, припадших к крепостникам, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

Толстой был поистине великим художником и, как верный служитель искусства, он служил прежде всего исторической правде. Мы вместе с Толстым будем бороться против реакционной толстовщины, против вреднейшей теории неприкосновенности зла. И нам ненавистно все то реакционное в Толстом, за что пеняют враги. Нужно беспощадно бороться с клонниками, с юродствующими во Христе, волюнтарно и невежественно помогающими врагам. Да мы ненавидим толстовщину, глубоко враждебную социализму. Но Лев Николаевич Толстой — величайший русский реалист, охвативший новое направление в искусстве, — близок и дорог людям социалистического общества.

Сегодня мы впервые публикуем в статье Н. Н. Гусева записи Толстого. «...я старался писать историю народа. И потому Ростовичи, говорящий, я сожгу Москву, как Наполеон, я накажу свой народ, — не может никак быть великим человеком, если народ есть не толпа баранов...» «Отчего, говорит старая худая лама, — вы сделали мою племянницу такой красивой, а меня не хотите, ведь у вас талант?» — «Именно потому, что я художник, я не могу сделать из вас ничего, кроме карикатуры, и не для того, чтобы оскорбить вас, сударыня, а потому, что я художник». Вот в чем бессмертие Толстого, вот в чем великая правда его произведений. И эту правду раскрыл Ленин в своих статьях.

Толстой — наш. Социализм впервые сделал произведения Толстого достоянием миллионов людей, вернул гения народу.

Искусство имеет законы, говорил Толстой, и во имя законов искусства он беспощадно боролся против эстетствующих, против лжи и фальши буржуазного искусства.

Толстой — наш. Его произведения — грозное обвинительное заключение обществу Карениных и Ростовичиных.

Толстой — наш, потому что только при социализме уничтожается ложь, лицемерие и фальшь.

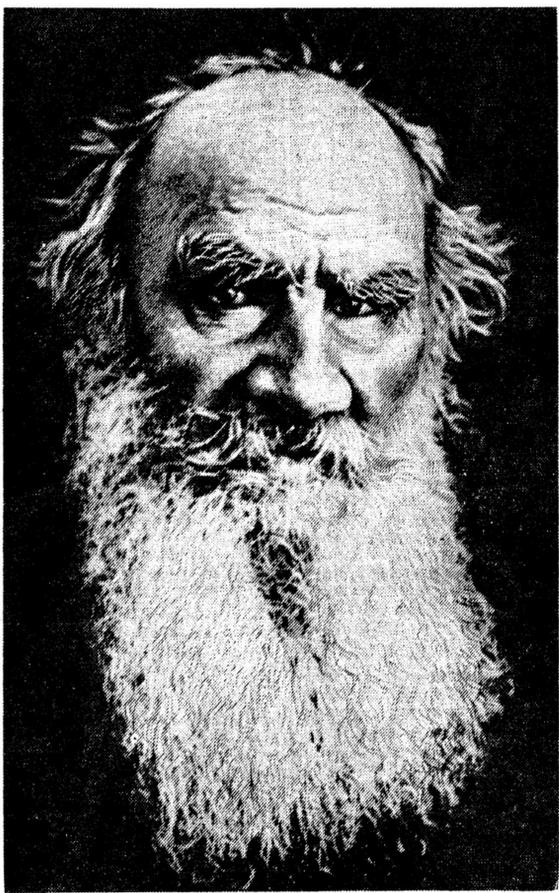
ПАМЯТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Государственный Толстовский музей организует несколько вечеров, посвященных 110-летию со дня рождения Льва Николаевича Толстого.

Завтра, 11 сентября, представители Академии наук СССР, союза советских писателей и артисты МХАТ им. Горького выезжают в Ясную Поляну, где устраивается вечер памяти великого писателя. 12 сентября в Ясной Поляне состоится большая мастерская москвичей совместно с представителями общественных организаций, работниками Тузы и колхозниками окрестных деревень.

Большим успехом пользуется открытая в музее выставка «Война и мир». Сейчас готовится новая выставка «Анна Каренина». Здесь будет показана история написания замечательного произведения — творческая лаборатория Толстого.

Музей выпускает из печати фотолбом «Ясная Поляна».

Литературное наследство Л. Н. Толстого

Литературное наследство Л. Н. Толстого, бережно собираемое советской страной, хранится в музее имени великого писателя и в Государственном Литературном музее.

Толстовский фонд Государственного Литературного музея содержит более 60 тысяч листов рукописей, писем, документов и воспоминаний современников. 89 ценных рукописей и корректурных гранок, с многочисленными поправками писателя, хранятся в Гослитмузее. Здесь имеются корректурные гранки «Анны Карениной», «Плодов просвещения», многих его философско-нравственных сочинений и «Воскресения». На гранках в заголовке романа значится «Ожидание» — повесть В. Г. Короленко. Дело в том, что «Воскресение» было отдано Толстым для напечатания в журнал «Нива», и издатель его А. Ф. Маркс, опасаясь изъятия романа, послал его в набор под фальшивым заголовком.

В Гослитмузее хранится отрывок из дневника писателя от 17 мая 1897 г. В этом отрывке Толстой говорит о своей семейной трагедии. Страницка эта была вырвана Толстым из дневника и передана П. А. Буланже с просьбой ее уничтожить. Последний не выполнил этой просьбы и, спустя 35 лет, вдова Буланже передала этот отрывок из дневника Толстого в Гослитмузей.

В Толстовском фонде хранится поступивший из библиотеки Ясной Поляны сборник рассказов Арцыбашева. Один из этих рассказов расчерчен рукой Толстого. Он описывает каждый абзац рассказа по пятибальной системе.

Богато представлено эпистолярное наследство Толстого, начиная с самого раннего периода его писательской деятельности. Здесь хранятся письма Л. Н. Толстого к А. В. Дружинину (1856—60 гг.), к П. И. Бартеневу (1867—68 гг., когда

Л. Н. Толстой работал над «Войной и миром»), письма к П. В. Засодимскому (1891—92 гг.), содержащие в частности толстовскую оценку его творчества, к М. П. Погодину и др.

Дополнением к толстовскому литературному наследству являются хранящиеся в Гослитмузее воспоминания о нем его современников и архивы близких к нему лиц — В. Г. Чертова, И. И. Горбунова-Посадова (руководитель книгоиздательства «Посредник») и П. И. Бирюкова. Гослитмузей приобрел также фотокопию архива бывшего домашнего врача Толстого Д. П. Маковичко, хранящегося на родине последнего — в национальном музее в Праге.

В самое последнее время толстовский фонд Гослитмузея пополнился новыми документами. Это рассказ начинающего писателя Н. Полушина, исправленный рукой Толстого, и автобиография «Моя жизнь» Е. И. Попова, часто бывавшего в Ясной Поляне.

Много неопубликованных писем писателя перешло в толстовский фонд вместе с архивом В. Г. Чертова и др. В архиве В. Г. Чертова свыше 200 писем писателя А. И. Эртеля, 11 писем П. А. Кропоткина, 24 письма В. В. Стасова и др. Письма эти посвящены, главным образом, Толстому. Большой интерес представляют неопубликованные письма В. М. Гаршина и В. Г. Чертова.

В письме, датированном 1885 годом, В. Гаршин высказывается о философских произведениях Толстого. Говоря об огромном впечатлении, произведенном на него этими произведениями, Гаршин замечает: «Многое откровенно мне чуждо и даже больше — ненавистно».

В Толстовском фонде сохраняются рисунки Толстого пером и свыше 400 фотографий Толстого и его семьи, снятые С. А. Толстой и В. Г. Чертовым.

Л. Н. Толстой на языках народов СССР

Художественные произведения Л. Н. Толстого за годы революции издавались на 54 языках народов СССР.

За первое двадцатипятилетие советской власти они вышли тиражом, почти в два раза превосходящим тираж его произведений за предшествующее двадцатипятилетие: 15.926 тыс. экземпляров против 8.991 тыс. экземпляров. В шесть раз вырос тираж художественных произведений Л. Н. Толстого на языках народов СССР по сравнению с последним дореволюционным двадцатипятилетием.

Характерно, что за первое полугодие текущего года тираж толстовских произведений на языках народов СССР догоняет тираж русских изданий. В 1938 году было выпущено на русском языке 273 тыс. экземпляров толстовских произведений, на языках других национальностей СССР — 264 тыс. экземпляров.

Потребность в произведениях Толстого значительно опережает фактический вы-

пуск, и отдельные произведения Толстого издаются краевыми издательствами.

Медленно продвигается академическое издание. За десять лет вышло только 37 томов, в производстве находится 13 томов.

В Гослитиздате Украины вышли книги: «Война и мир», книга I, тираж 15 тысяч экземпляров. Вышел первый том романа «Анна Каренина» в таком же тираже. Выпущены также «Хаджи-Мурат», «Хозяин и работник», «Утро помещика», «Севастопольские рассказы» и др. «Утро помещика» выпущено вторично тиражом в 20 тысяч экземпляров. Гослитиздат готовит к печати перевод второй части романа «Война и мир» и второй части романа «Анна Каренина».

Издательство ЦЕ ЛКСМУ «Молодий Бильшовик» выпустило в художественном оформлении повесть «Хаджи-Мурат», тиражом в 10 тысяч экземпляров, а также «Казаки», тиражом в 15 тысяч экземпляров.

Сегодня день поэзии

Звени, наша песня!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Звени, наша песня, весенним ручьем, Лети соловьем в снегу! Грими, наша песня — мы нынче поем Про нашу родную Москву.

Ты ленинский образ для нас сохранила, Ты сталинским духом и делом жива. Цвети, наша слава, Расти, наша сила, Советская наша Москва!

Мы любим могучее сердце страны И наша любовь — горяча, Она берет у Кремлевской стены Бессмертный покой Ильича.

ПРИПЕВ

Свидетель великих событий и встреч — Москва и растет и цветет. Ну, как не любить нам и как не беречь Тот город, где Сталин живет?

ПРИПЕВ

В минуты веселья и в час боевой, В суровых и дальних краях — Мы связаны сердцем с любимой Москвой, —

ПРИПЕВ

Москва — это знания труда и наук, Огонь, побеждающий мрак. При слове Москва улыбаются друг И мрачным становится враг.

ПРИПЕВ

Народною правдой Москва велика, Любимою народной силой. Как лозунг и знамя на всех языках К борьбе призывает она.

Ты ленинский образ для нас сохранила, Ты сталинским духом и делом жива. Цвети, наша слава, Расти, наша сила, Советская наша Москва!

*

— Сегодня, 10 сентября, в московском Центральном парке культуры и отдыха им. Горького — день советской поэзии. Поэты Москвы встречаются со своими читателями, выступают на трибунах парка, по радио, в Зеленом театре.

— Все участники для поэзии собираются к 4 часам в помещении дирекции парка — 3-й этаж. «Комната приема поэтов».

— Вечер поэзии в Зеленом театре начнется в 8 часов. Вступительное слово скажет А. Фалеев.

— Все радиостанции Советского Союза посвящают свои передачи советской поэзии. Мастера художественного чтения присутствуют по радио в Москве и других городах Союза стихи, с которыми выступают перед посетителями парка московские поэты.

— В день поэзии центральное радио-вещание организует литературный репортаж-информацию обо всем, что происходит в этот день в парке.

— Сборник «День поэзии», выпущенный к 10 сентября, будут продавать в парке участники сборника — поэты Москвы.

— Гасем Лахути, Иоганнес Бехер, Эмиль Мадарас и Эми Сю выступят на трибуне интернациональной базы парка.

— В парке организовано свыше 20 консультационных пунктов. Здесь поэты проводят беседы с начинающими авторами.

— Для обслуживания молодых читателей — посетителей парка — в день поэзии организована специальная молодежная трибуна.

— По организационным вопросам следует обращаться к членам комиссии по проведению дня поэзии Н. Асееву, К. Алтаузену, Л. Дилтачу, Б. Ковыневу и А. Суркову.

НАКАНУНЕ 125-ЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

КИЕВ. (От наш. корр.). Трудящиеся Советской Украины готовятся к юбилею.

По инициативе колхозников Ольшанского района Киевской области на родине Т. Г. Шевченко (в с. Шевченково) построен дом-музей. В музее 10 комнат. В них собраны экспонаты, ярко освещающие жизненный и творческий путь поэта.

Украинский народ создал много песен и легенд о любимом поэте-борце. Материал собирается институтом этнографии и фольклора Академии наук УССР. Институт готовит сборник народного творчества о великом поэте, в который войдут народные песни, рассказы, легенды и стихи о Шевченко.

Проскуровская районная библиотека организовала выставку литературы и критико-библиографических материалов о поэте. Тут много фотоснимков и грамот. Библиотека приобрела много книг поэта на украинском языке, а также литературы о нем. Сирое на книги велик.

По инициативе читателей при библиотеке организован литературный шевченковский кружок. Прочитаны лекции на темы: «Поэт-демократ», «Жизнь и творчество Т. Г. Шевченко», «Шевченко в наши дни».

Художник Трофименко пишет картину «Шевченко и Ангелгардт», Глущенко — картину «Шевченко в Каневе», Веселия — «Шевченко, Добролюбов, Чернышевский и Гоголь», Сиротенко — «В свободной новой семье». Пашенко работает над серией иллюстраций к произведениям поэта.

За пять дней

ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА ДРАМАТУРГОВ

Возобновляются творческие вечера и встречи драматургов.

На одном из первых вечеров будут обсуждаться пьесы: А. Толстого — «Поход 14 декабря» и Чижовского — «Генеральный бой», написанные на тему обороны Царства.

Следующий вечер посвящается обсуждению пьес: Паустовского — «Созвездие Гонимых псов» и Лаврентева — «Начало пути»; тема пьес — война испанского народа против фашизма.

На последующих вечерах будут одновременно обсуждены пьесы: «Падь Серебряная» — Погодина и «Таня» — Арбузова, «Грифонсул» — бр. Тур и Л. Шейнина, «Настоящая жизнь» — Войтехова и Ленча, «Рожь цветет» — Пермяка и «Корень жизни» — Штока. Намечена к обсуждению также «Сказка» М. Светлова.

Три раза в месяц секция драматургов будет устраивать в московском клубе писателей творческие встречи.

АНТОЛОГИЯ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

От нашего специального корреспондента

Работа по подготовке к печати антологии «Поэзия Грузии в древнейшие времена до наших дней» приближается к концу. После совещаний в ЦСН Грузии бригада ЦСН СССР и Гослитиздата усиленно работала над переводами лучших образцов грузинской классической поэзии, народного эпоса и стихов современных советских поэтов.

3 сентября в Тбилиси под председательством В. Гаприндашвили состоялся литературный вечер, на котором было заслушано сообщение о проделанной работе, и прочтены новые поэтические переводы.

Особый интерес собрания вызвали выполненные К. Липскеровым переводы из Шавтели и Чахрухадзе (XII век), стихов Бесики (XVIII век), а также грузинского фольклора.

Все ораторы подчеркивали огромное литературно-политическое значение антологии, выпускаемой Гослитиздатом РСФСР. По общему мнению, эта антология будет самым ценным вкладом в изучение грузинской поэзии читателями братских советских республик.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

ПРИЕМ В ИНСТИТУТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

На 4 сентября в Вечерний Литературный институт союза советских писателей было полено, как мы сообщали в предыдущем номере, 65 заявлений. За последние пять дней полено еще свыше 100. Учитывая продолжавшийся приток заявлений, дирекция продлила срок приема их до 11 сентября включительно.

Испытания начнутся 14 сентября.

«ИСТОРИЯ XIX ВЕКА»

ЛЕНИНГРАД. 9 сентября. Ленинградская типография «Печатный двор» имени А. М. Горького выпускает первые два тома второго пересмотренного и дополненного издания «Истории XIX века» под редакцией французских профессоров Лависса и Рамбо. Весь тираж второго тома в 100 тысяч экземпляров готов. Первый том сейчас брошюруется. Подписчики получают оба тома одновременно.

Второе издание «Истории XIX века» выходит под редакцией профессора Тарле. Издание снабжено библиографией, составленной работниками Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Библиография пересмотрена и расширена. Введен новый раздел — указатель высказываний классиков марксизма-ленинизма о главнейших лицах и событиях, упоминаемых в тексте.

Второе издание снабжено также цветными иллюстрациями и картами.

В ТБИЛИСИ СТРОИТСЯ ДВОРЕЦ КНИГИ

На левом берегу Куры в Тбилиси строится Дворец книги Госиздата Грузии. Красивое шестэтажное здание объемом 63 тысячи кубометров имеет форму треугольника. Своим фасадом оно расположится по улице Жореса и набережной Куры. Для отделки здания будет использован мрамор, андезит и красивый армянский туф.

Дворец книги — составная часть мощного печатного комбината Госиздата Грузии. Второй типографский корпус комбината уже слан в эксплуатацию. В октябрьских торжествах будет отделан третий корпус.

Строительство всего печатного комбината должно быть закончено в сентябре будущего года.

ЗА РУБЕЖОМ

Праздник в Клямени

В буржуазном городке Клямени, где родился Роман Роллан, на-днях торжественно было отпраздновано открытие спортивного стадиона. Новому стадиону присвоено имя величайшего писателя наших дней, неутомимого борца с фашизмом — Романа Роллана.

В день открытия стадиона в Клямени с раннего утра стали прибывать многочисленные делегации трудящихся из отдаленных районов департамента, из деревень, из рабочих поселков. Многочисленная толпа заполнила поляну, примыкающую к стадиону.

В большом зале мэрии, увешанном портретами старинного города и мэров, управлявших Кляменем с XVI в., был устроен торжественный банкет, обильнейший представителями партий народного фронта, делегатов от трудящихся округа и города, явившихся выразить свои чувства любимому писателю.

Появление Романа Роллана было встречено громкими овациями. Он занял место на трибуне рядом с Жаком Дюкло. Выступавший от имени социалистов Амедей Дю-

НОВАЯ ПЬЕСА ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Писатель Леонид Леонов закончил новую пьесу «Волк» («Бегство Санджукова»). Тема ее — бдительность советского народа и неизбежная обреченность его классовых врагов.

— Пьеса эта была мной задумана давно, — рассказал Л. Леонов в беседе с сотрудником ТАСС. — Меня, как писателя, давно волновала тема мужества и героизма советских патриотов, тема бдительности нашего народа. В пьесе нет одного, главного героя. Главные — все действующие лица. Действие разыгрывается в одном из небольших городков и охватывает период всего в три дня.

Пьеса принята Государственным академическим Малым театром. Постановку намечено осуществить в декабре-январе.

ПОЭТ КАЗАХСТАНА А. ТАЖИБАЕВ НА УКРАИНЕ

В Одессу приехал поэт Казахстана А. Тажибаев. Он знакомится с подготовкой к 125-летию со дня рождения писателя-революционера Т. Г. Шевченко. Тов. Тажибаев сообщает, что писатели и поэты Казахстана деятельно готовятся к шевченковским дням.

В Казахстане будет выпущен однотомник «Кобзаря», переведенный на казахский язык, а также однотомник произведений поэтов Джамбула и Т. Г. Шевченко. Тов. Тажибаев побывал на могиле Т. Г. Шевченко в гор. Каневе.

НОВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Государственный Литературный музей приобрел пять небольших рассказов Н. С. Лескова: «Ловить купца Княревичку», «Мимозная дуралишка», «Невинное проступление может быть хитрее горделивства», «Несчастье может быть ступенью к благополучию» и «Престранный случай с неким злоязычным братом».

В Гослитмузее поступило письмо Г. Успенского к А. С. Постникову. В письме этом, посланном из Тюмени, Г. Успенский говорит о своем пребывании в Сибири, делая впечатлениями о сибирских переселенцах, и сообщает о подготовляемых им очерках сибирской жизни.

В Гослитмузее перешел архив литературного и театрального критика, бывш. зав. критическим отделом «Русских ведомостей» П. Пшавы. В архиве письма В. Брюсова периода 1903—17 гг., В. П. Пешурова-Джанченко, П. Ф. Якубовича (Л. Мельникова), А. И. Южина-Сумбатовой и большая рукопись композитора С. В. Рахманинова о С. П. Танееве.

ЗАСЕДАНИЕ

ШЕВЧЕНКОВСКОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

КИЕВ. (От наш. корр.). На-днях под председательством П. Панчу состоялось заседание юбилейного Шевченковского комитета союза писателей Украины, на котором присутствовали Ю. Яновский, М. Бажан, О. Копыленко, К. Фефер, А. Малышко, Я. Городской, А. Голышко, композитор Вилещий и др.

Председатель комитета тов. Панчу сделал информацию о работе писателей братских республик над переводами произведений Тараса Шевченко, а также рассказал о творчестве украинских поэтов, посвященном его памяти.

Комитет выдвинул комиссию, куда вошли М. Бажан, А. Голышко, А. Малышко, для организации вечеров в Киеве и по Украине, посвященных памяти Т. Шевченко. Комитет выдвинул двух заместителей председателя юбилейного комитета ЦСН Украины — О. Копыленко и Ю. Яновского.

ПИСАТЕЛИ УКРАИНЫ ВЫЕХАЛИ НА МОГИЛУ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

КИЕВ. (От наш. корр.). 8 сентября пародом «Громова» в Канев — на могилу Т. Г. Шевченко выехали 30 писателей и 20 композиторов Украины. Среди писателей депутат Верховного Совета СССР и УССР А. Борнштейн, писатели В. Сосюра, Н. Рибак, О. Десняк, Д. Голубейня, композиторы — В. Лятошинский, Л. Ревущий, П. Козинский, П. Глушков и др.

На могиле Тараса Григорьевича состоялось митинг. Писатели прочтут свои новые произведения, посвященные поэту. Вечером в городском театре в г. Каневе состоится большой литературный вечер, посвященный Т. Г. Шевченко. Кроме пишущих поэтов и композиторов выступят начинающие поэты Канева.

ЗА РУБЕЖОМ

РАЗГОВОР ПО СУЩЕСТВУ

У Диккенса в романе «Наш общий друг» рассказывалось о бедном клерке, который никак не мог сделать себе полный костюм; в тому времени, когда он покупал штаны, слышались пиджаки, и новая шляпа никак не могла встретиться с новыми сапогами.

Приблизительно так чувствуешь себя, когда смотришь на ту часть библиотеки, в которой стоят издания Гослитиздата.

Четыре из восьми томов Шекспира, несколько томов Бальзака, Тургенев с корешками разных цветов, Лев Толстой в академическом издании, который при жизни владельца библиотеки никогда не будет куплен, и «1001 ночь» в семи томах, кончающихся на ночи 870-й.

Часто приходит к нам подбуквинисты, которые шут и перепродают отдельные тома. Иначе книжки достать нельзя. Одним словом, тема академических и гослитиздатских изданий надо покупать в магазинах случайных вещей.

Тяжелая жизнь книги. 1-й том «Писем Пушкина» был издан Гослитиздатом в 1926 году в тираже 2000 экземпляров, а том 3-й этой книжки издан был издательством «Академия» в 1935 г. в 3300 экземпляров. Значит, при таком незначительном тираже уже заранее решено, что 1300 книг будут не в комплекте.

Такова первая половина беды. Вторая половина беды состоит в том, что сами книги повторяют друг друга. Существует очень неплохое гослитиздатское издание Пушкина. Казалось бы, что к этому изданию и должны добавляться письма Пушкина, как дополнительные тома. К этому же изданию должны быть дополнительные томами добавляться пушкинские черновики. Но издательство «Академия» начинает Пушкина с начала. Вы опять покупаете основной текст Пушкина.

Издания путаются, куски черновиков попадают во временные издания. Для того чтобы иметь полного Пушкина, надо заставить полку книгами и очень принаровиться к этой полке.

Классики издаются текстологически хорошо, но бесплано. Примечания повторяют друг друга и противоречат друг другу. Так в разных томах издания Толстого один и те же вещи разны описаны комментаторами и один и те же люди имеют разные биографии.

Если вернуться к академическому пушкинскому изданию, то надо еще сказать о чрезвычайной трудности в работе с этим изданием. Черновики загромождают друг друга, и понять их можно только, если посмотреть киноленту Сергея Бонди, где кроме черновиков есть и время, показан ход работы писателя. В книге же черновики разобраны, но не обработаны.

Теперь перейдем к вопросу о внешности книги. У нас были специалисты превращать «Хаджи-Мурата» Толстого или «Калитанскую дочку» Пушкина в большой том. Работники-полиграфисты, это делающие, убеждены, что они создают художественное издание. Это происходит потому, что они воспитали свой художественный вкус на изданиях символистских.

Дороволюционная книга была или книгой, изданной без всяких художественных претензий, или книгой, изданной со вниманием, но в малом тираже. Издавая книгу в 500 или в тысячу экземпляров, можно было не экономить бумагу. Отсюда эти бесконечные листы с обозначением глав, отдельные листы для эпиграфов и т. д. Переносить это на советскую художественную книгу, которая в самом своем существе многотиражная, это значит делать бессмысленно.

История полиграфии знает высокие образцы полиграфически совершенных и в то же время компактных изданий. Возьмем, например издания Эльзевьера с их полями, занятыми примечаниями. Старая русская полиграфия знает массовую, экономно оформ-

ленную и в то же время художественную книгу. Возьмем издания Решетникова.

Гослитиздат в этом году должен изменить систему оформления книги, способ издания книги, сроки издания книги. Наконец, он должен доздать все то, что он начал. Издавая вразброд, часто переиздавая то, что можно не переиздавать, Гослитиздат создает на рынке искусственный книжный голод и приучивает к нему.

Сейчас 7-рублевое издание Дюма под полой доходило до 2000 руб. В пяти рублях оценивался Луи Жаколю и т. п. книжки. Можно было издать Дюма и не в издании «Академия», а хотя бы так, как издавал Союзин. Спрос на Дюма показывает, как нужна интересная книга. Но вместо Дюма можно было пустить массовым изданием Виктора Гюго, можно было пустить такие книги, как «Похождения Роландо Рандома». Горьковский план, созданный им для издательства «Всемирная литература», до сих пор не осуществлен. Наш широкий читатель не имеет возможности выбрать, какую же книгу он любит, и увлекается в конце концов часто случайными книжками знакомыми.

Издание советских авторов очень часто определяется сложными внутрииздательскими схемами, иногда даже тем, что писатель сильно должен издательству и надо покрыть аванс. В то же время Гослитиздат не издает Маяковского, не издает Александра Блока. Давно нет на рынке Бабеля, нет Зощенко. Очень неблагоприятно с появлением молодых писателей. Литконсультации умеют отклонять рукописи, но не умеют выбирать рукописи для напечатания. Умеют отвечать автору, стараются отвечать вежливо, стараются отвечать всем, но отбора не делают. Не хватает вкуса и решительности. Работают по принципу, как бы чего не случилось.

Появление нового писателя рассматривается как случайность, увеличивающая издательский риск. Тов. Крымову вернули из консультации «Молодой гвардии» повесть «Танкер Дербент» с неглубокой и длинной рецензией, очень снисходительно написанной. Если не знать повести, то все в рецензии правильно. Пишите короче, не злоупотребляйте техникой и т. д. и подхитесь: Львова.

Беза только в том, что т. Львова технику не знает, а Крымов знает. Поэтому техника в его книге — живая, а в рецензии Львовай — мертвая.

В ту же консультацию т. Рабинович, ленинградский молодой писатель, уже давно работающий в печати, присылает роман, действие которого происходит на «Треугольнике». Рабиновичу отвечает не Львова, а Иванов. Роман Рабиновича не похож на повесть Крымова, но рецензия почти совпадает: пишите короче, сократите такие-то места (причем указаны самые удачные места), не злоупотребляйте техникой...

Рецензии похожи, как галопы на фабрике «Треугольник». Может быть нога у тов. Иванова покрутнее. Он еще учит совершенно культурного автора, знающего иностранные языки, правилам, как надо употреблять иностранные слова.

Человек в галопе знает, что начинающие авторы обыкновенно путают иностранные слова, и он сует свои советы туда, где они не нужны. Вот при таком отношении к молодым писателям, для того, чтобы прорваться в литературу, молодой писатель должен провести целую кампанию. А видя несправедливое отношение к талантливому человеку, и графоман не верит рецензии, и графоман добивается, чтобы его напечатали. Дело воспитания молодых писателей прежде всего дело самих писателей.

Итак, надо изменить метод выбора книг из современной литературы, надо изменить метод работы с молодыми писателями, надо изменить метод издания классиков, надо изменить тип издания, формат издания, изменить тиражи. В результате всех этих изменений появится план.

И. МИТРОФАНОВА
Старший библиотечар библиотеки
Дома ученых Академии наук СССР

ЧТО НАМ ОТВЕЧАТЬ ЧИТАТЕЛЮ?

Надо ли повторять всем известную истину, что спрос на книгу у нас, в Советском Союзе, превышает возможности издательства? Не должно ли это обстоятельство заставить руководителей издательства особенно тщательно отбирать книги для выпуска, всесторонне обсуждая все за и против для каждого издания в отдельности? Вместе с тем практика показала, что ежегодно наряду с необходимыми книжками выпускаются и такие, без которых читатель мог бы и обойтись. То, что на полках в магазинах не залеживаются даже средние, серые книжки, отнюдь не может служить оправданием для издательства.

Как можно, например, планировать в одинаковом тираже Кальдерона и Мопассана?

Только неосведомленностью работников издательства можно объяснить, что произведения Борохвостова, которого читатели почти не знают, книги Соловьевского, пользующиеся очень маленьким спросом, Чуманкина, покрывшие пылью на полке, издаются такими же тиражами, как новые произведения М. Пришвина, А. Первенцева, И. Соболева, которых читатели ждут с нетерпением.

Что мы, библиотекари, будем делать с 2-3 экземплярами нового романа И. Соболева, а больше, при десятикратном тираже, мы не получим! Снова начнутся бесконечные очереди на книги. «Одноэтажная Америка» И. Ильфа и Е. Петрова совсем отсутствует в плане, значит, библиотечный коллектор не пополнил наших фондов дополнительными экземплярами, а на эту книгу у меня читательская очередь в 200 человек. За «Сыновьями» и «Безобразной героиней» Л. Фейхтвангера у меня в очереди 280 человек. На «Юности Генриха IV» Г. Манна написано 125 читателей. «Из прошлого» Немировича-Данченко ждут 50 человек, а у меня в библиотеке есть всего 2 экземпляра! Мемуарная литература совсем отсутствует в проекте плана.

В нашей библиотеке свыше 30 тысяч томов. В этом году мы получили 30 тысяч рублей на ее комплектование, половину мы истратили исключительно на художественную литературу. Но сплошь и рядом, возвращаясь из коллектора с новой покупкой, мы были полны не радости, а досады: деньги были истратены на посредственные, серые книжки, почти не пользующиеся спросом. Но мы не могли почитать новинки советской и иностранной литературы или публиковать книг, за которыми тянется длинный хвост читателей.

Вина и беда Гослитиздата не в том, что он не может выпустить все в тех тиражах, которых требует читатель, а в том, что он часто за счет необходимых книг разбазаривает бумагу на издания, которые того не стоят.

А. ГУРЕВИЧ
Преподаватель литературы 298 школы Октябрьского района (Москва)

ПЛАН, ОТОРВАННЫЙ ОТ ЖИЗНИ

Проект плана Гослитиздата на 1939 год провозгласил печатание документа, составленного по памяти. Сидели люди, знающие литературу, сидели и вспоминали, что вспомнили — записали в план, что забыли — так и бог с ним.

По характеру весьма неполного и случайного подбора произведений план этот напомнил мне другой документ — приложение к программе средней школы Наркомпроса РСФСР список произведений, рекомендуемых для внеклассного чтения учащихся. При этом любопытно, что оба эти документа, взаимозависимость которых очевидна, совершенно не согласованы между собой и в этом смысле являются образцом некомпетентности и бюрократизма.

В рекомендательном списке для восьмиклассников советская литература представлена девятью писателями: М. Горьким, А. Серафимовичем, Э. Багрицким, Ю. Тыняновым, Г. Штерном, К. Паустовским, В. Ивановым, Н. Островским и В. Лебедевым-Кумачом. Для девятых классов этот список пополнился именами И. Фурманова, К. С. Станиславского и А. Смирского. Иностранная литература представлена весьма своеобразно: почему-то «Одиссея» рекомендуется для чтения на год раньше «Илиады», «Брасное и черное» Стеффала разрешается только в 10-м классе. Шекспир в 9-м классе представляется только «Королем Лиром», а восьмому и вовсе «противопоказан».

Список этот несостоятелен, во-первых, потому, что сильные ученики переплатят его, для них он «занижен», а для средних учеников отбор произведений дискуссионен и случаен и не дает представления о писателе; во-вторых, потому, что произведения, рекомендуемые учащимся, значатся в списке, а купить их будет нелегко, так как в план Гослитиздата они не включены — например рассказы В. Иванова, «Записки из мертвого дома», «Неточка Незванова» и «Белые люди» Достоевского.

Хорошо, что это не обязательный, а только рекомендуемый перечень книг. Но как же быть с книгами, на которых строится программа преподавания литературы? Учащиеся и преподаватели должны быть обеспечены ими. Где взять Блока, начитавшего исключенного из планов Гослитиздата, как достать Брюсова, выпускаемого десятикратным тиражом?

Главный тип изданий, необходимый для школьников, — это однотомники. А их-то почти нет. Надо создать антологии испанской, французской, немецкой, английской литературы, антологии литературы XIX века по десятилетиям. Такие издания дадут полное и разностороннее представление об иностранной и русской классической литературе. А требуется для этого лишь грамотный редактор да ножницы.

Необходимо дать молодому советскому

читателю односторонний наиболее характерных и интересных писем Пушкина, Тургеневых, Чехова, по которым молодежь училась бы мастерству письма, технике эпистолярного искусства. Надо ввести также односторонний и дневникового наследия — скажем, дневников Толстого, Блока, выпускаемых лишь академическими изданиями и по содержанию своему и по тиражам являющихся достоянием нескольких тысяч читателей. Интересно было бы выпустить альманах «По литературным местам СССР».

Как правило, Гослитиздат не выпускает книг в помощь преподавателям литературы. Если считать, что издательство призвано воспитывать литературные вкусы масс, то это воспитание надо начинать с тех, кому поручено литературное образование молодых советских читателей. И было бы очень хорошо, чтобы Гослитиздат, скланный к серийным изданиям, создал специальную «Библиотеку учителя-словесника». Она должна состоять из критико-биографических очерков о тех писателях, на которых строится программа литературы в школе, из комментариев к важнейшим произведениям русской классики, вроде интересной и полезной книги Бродского «Комментарии к «Евгению Онегину», изданной Учпедгизом, из ряда монографий и наконец словарей литературных терминов и типов.

У Гослитиздата долг перед читателем и в области мемуарной литературы. Суя по плану, в 1939 году он этого долга платить не собирается. Не видать в плане переизданий Герцена — «Былое и думы», Кони — «На жизненном пути», Пасека — «За 40 лет», воспоминаний Панаевой, Панаева и других.

Список предложенный к плану будущих изданий можно было бы еще более расширить. Но задача не в том, чтобы подкачать работникам издательства имена забытых или писателей и придумать за них содержание односторонних и альманахов. Задача в том, чтобы показать составителям плана, что они за деревьями не видят леса. Глядя на штабеля уже готовых и лежащих перед их близорукими взорами томов и томиков, люди эти заняты одной заботой — как бы распределить их по сериям, забыть при этом о самом главном — о читателе. Если бы издательство вышло перед собой своего читателя и помнило о его запросах, интересах и требованиях, ему было бы легко и просто отобрать из классического наследия и современной литературы то лучшее, что нам нужно, и приложить новые типы изданий, разносторонних по содержанию и экономных по тиражу.

А пока планы издательства будут составляться узковедомственно, без учета потребностей, возрастов, уровня развития читателя, они останутся порочными, оторванными от жизни и потому неизбежно отступающими.

П. ВИНОГРАДОВА
Заведующая библиотекой завода
автомобилей им. Сталина (Москва)

КАКИЕ КНИГИ ТРЕБУЮТ В БИБЛИОТЕКЕ

Читатели предпочитают усиленный спрос на произведения Толстого, Тургеневых и Пушкина. Часто спрашивают избранные рассказы Григорьевича, Мамина-Сибиряка, просят односторонних рассказов Лескова.

Рабочие слушают лекции о русской литературе XVIII—XIX вв., и после этого в библиотеку поступают требования на повесть Баратынского «Бедная Лиана».

Но все эти книги нет, так как часть их Гослитиздат вообще не издал в последние годы, а другая часть вышла тиражом, совершенно не удовлетворяющим массового читателя.

Если Гослитиздат издал популярную и нужную книгу в 5—10 тысяч экземпляров, это значит, что даже наша библиотека, имеющая 18 тысяч читателей, в лучшем случае получит 3—4 экземпляра. Кто удовлетворит эта цифра?

Лучшие произведения русской классической литературы надо издавать отдельными книжками в десятках тысяч экземпляров. Гослитиздат обязан дать в этом году читателю достаточное количество лучших произведений русских писателей: «Анна Каренина», «Воскресенье», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Обломов», «Обрыв» и др. Это не исключает, конечно, издания полных собраний сочинений классиков.

Бальзак — любимый писатель нашего читателя. А что издал Гослитиздат? Кроме книг «Отцы Горно» и «Кресты» нам ничего предложить читателю. Гослитиздат обязан в этом году удовлетворить массовое желание читателей и издать книги Дж. Лондона, Диккенса, Сингера, Драйзера, Ромэн Роллана. Произведения этих писателей ежедневно и настойчиво требуют сотни рабочих-читателей. Особенно велик спрос на романы Л. Фейхтвангера.

Книги Виктора Гюго, Дюма требуются беспрестанно, но всем известно, что произведения этих писателей можно случайно достать только у букинистов за огромные деньги.

Большинство читателей (особенно молодежь) обращается к библиотекарю обычно с одной и той же просьбой:

— Дайте, пожалуйста, что-нибудь о гражданской войне.

Книги Первенцева «Кочубей», Эрлиха и Герасимовича «Шорс», Шмерлинга «Котовский», сборник «Сергей Лаоз» — зачитываются до дыр. Эти книги необходимо переиздать в 1939 году. Очень нужны новые книги о героях гражданской войны, о героях авиации, Дальнего Востока, о замечательных русских путешественниках.

На книжной полке библиотеки никогда нет на месте сборника «Женщина в гражданской войне». Это значит, что рабочий-читатель с большой радостью встретит в 1939 году художественный роман о женщине-героине.

Читатели крайне огорчатся, что наиболее любимые и популярные «Хождение по мукам» и «Петр I» А. Толстого, «Капитальный ремонт» Соболева, «Пушкин» Тынянова, «Полная чаша» Шолохова и «Последний из Удого» Фадеева до сих пор не опубликованы. Может быть, они еще и не написаны, но дело Гослитиздата позаботиться о том, чтобы писатели вспомнили про свои долги перед читателем.

Большой спрос на произведения писателей братских республик. Где эти книги? Что сделал Гослитиздат для того, чтобы ознакомить читателя с творчеством братских республик? В этом году необходимо увеличить выпуск этих книг, и главное внимание Гослитиздат должен обратить на качество переводов. До сих пор они очень плохи.

Рабочие заводов им. Сталина, «Шарикополшипник», «Динамо» и Велозавода приглашают представителей Гослитиздата приехать во дворец культуры и обсудить вместе с представителями этих четырех гигантов нашей индустрии план издательства на 1939 год.

Это — настоящее желание рабочих-читателей.

От редакции. Редакция «Литературной газеты» поддерживает предложение тов. Виноградовой и считает необходимым широкое обсуждение проекта плана Гослитиздата на широком собрании читательского актива.

М. ЭССЕН
Редактор Гослитиздата

ЗА МАССОВУЮ КНИГУ!

За последние годы государственное издательство «Художественная литература», увеличившись монументальными академическими изданиями классиков, упустило из виду массового читателя. Величайшее произведение наших писателей не доходит до широкого советского читателя — колхозника, рабочего, студента, ученика средней школы. Наши академические издания недоступны ни по цене, ни по объему ни среднему, ни тем более массовому читателю. Да и где и когда можно подписаться на них? Кроме того они так долго изданы (иногда несколько лет), что самого спокойного подписчика могут довести до безумства.

Чтобы хоть несколько удовлетворить среднего читателя, издательство выпускает избранные произведения в 6 и в 2 томах и однотомниками размером чуть не в 80—100 п. л. по цене мало доступной.

Для широкого массового читателя, как правило, почти ничего не издается. Книжки размером в 2—3 п. л. по цене в 30—40 копеек, тиражом в сто—двести тысяч у нас не выпускаются. Идея выпуска серии таких книжек не пользуется популярностью среди прежнего руководства и редакторов издательства.

Издатель серии дешевых книжек массовыми тиражами произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Шеллина, Чехова, Толстого, Горького, а также иностранных классиков — какое это было бы прекрасное дело для нашего издательства, как широко прошла бы книжка в массы.

Иллюстрация к рассказу А. М. Горького «Челнок» в издательстве «Молодая Гвардия» выходит книга рассказов Горького с иллюстрациями художника Б. Дехтерева.

Иллюстрация к рассказу А. М. Горького «Челнок» в издательстве «Молодая Гвардия» выходит книга рассказов Горького с иллюстрациями художника Б. Дехтерева.

Г. РЖАНОВ
Заместитель директора Гослитиздата

БОЕВАЯ ПРОГРАММА

Гослитиздат приступил к составлению тематического плана, который определит его издательскую программу в 1939 году.

Тематический план — не продукт кабинетного творчества; в нем должна быть выражена коллективная мысль писателя, критика, читателя, библиотечного работника и работника книжного прилавка.

Художественная литература особенно популярна в читательских массах, и спрос на нее огромный. Но спрос этот удовлетворяется крайне слабо. Даже библиотекам крупных городов и промышленных центров не хватает книг. «Тихий Дон» — «Полная чаша» — М. Шолохова, «Петр Первый» и «Хлеб» — А. Толстого, «Как заволашала сталь» и «Рожденные бурей» — Н. Островского, «Цусима» — Новикова-Прибоя, стихи Маяковского — как правило, этих книг на рынке нет. В ста тысячах библиотек нашей страны ведется запас читателей, ждущих своей очереди для получения этих книг. Чрезвычайно велик спрос на книги Пушкина и Толстого, Тургеневых и Гончарова, Лермонтова и Некрасова. Велик спрос и на иностранных классиков.

современных писателей, собранные в одном томе, и, наконец, полные собрания сочинений, а также академические издания классиков мировой литературы.

Тематический план должен иметь целевую установку, а не случайно подобранный перечень названий произведений и авторов. Очень важно учесть указания товарища Сталина, что «нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности», и с этой точки зрения организовать издание классической и современной литературы.

1939 год будет годом больших исторических дат из эпохи гражданской войны: двадцать лет разгрома похода Антанты, юбилей Первой Конной армии, разгром Колчака, а также год юбилеев Чернышевского, Шевченко, Лермонтова.

Особое и не малое место в плане должно занять серия исторических романов. Часто составление плана починали пешеходным договором, т. е. ставили его в зависимость от того, сколько писатель должен и если должен данно, то нужно скорее издать его книгу, чтобы не потерять права издательства.

Практика всестороннего планирования в Гослитиздате обычно сводилась к составлению в начале года тематического плана без учета бумажных возможностей. Это делалось для общих докладов о перспективах издательства. Затем в течение оперативного года от плана после бесконечных сокращений оставалось не больше половины, которая и называлась рабочим планом издательства. Это дезориентировало

книготорговые организации, библиотеки и читателя, которые ждали обещанных книг и, конечно, их не получали.

Составив дутый план, издательство начинало заготовку рукописей. Заготовка шла самодеятельно, так как договоры с авторами и переводчиками не планировались, и очередь тек или иных изданий не учитывалась. Договоры на одно и то же произведение заключались на разные тиражи и дальнейшие сокращения плана шли уже по линии наименьшего сопротивления. Из плана исключались актуальные произведения, договоры на которые по тем или иным причинам еще не были заключены, и в плане оставались произведения, с изданием которых можно было подождать. В проекте плана 1938 года было подготовлено издание такого «классика», как некий Благовещников. Ясно, что кроме составителей и критиков узкого круга литературоведов этого, с позволения сказать, классика никто не знал.

Мои предложения по составлению плана: По классической литературе необходимо составить план издания по крайней мере на 2-3 года вперед. Это позволит лучше удовлетворить запросы читателя, обеспечить более нормальную работу издательства и позволить разумно распорядиться с фондами. В Гослитиздате нет борьбы за максимальную экономию в использовании бумаги за счет стандартизации объема книг, уплотнения печатного листа, снижения брака и отходов, стандартизации плотности и т. д. Если бы велась борьба за экономию бумаги, издательство должно было бы сверх наме-

ченной планом программы дать в 1938 г. дополнительно не менее 300.000 экз. книг.

Особое место в тематическом плане должны занять полные и академические собрания сочинений. Нельзя их растягивать на много лет, как, например, издание Л. Н. Толстого (уже началось второе десятилетие), а когда издание выйдет в свет — еще не видно). Несколько лет назад начали издавать собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, но до сих пор еще не вышел первый том, несмотря на то, что наступил канун 50-летия со дня смерти великого сатирика. Таково же положение с собраниями сочинений Стендаля, Франса (19 томов находится в производстве) и других.

Задача тематического плана 1939 г. в отношении полных и академических собраний сочинений должна свестись к тому, чтобы сроки выпуска определялись не более, чем в 2—3 года.

В издании современных писателей издательству необходимо проявить сугубую чуткость и внимание к выдвигаемым новым калрам писателей. И не случайно наше издательство перед тем, как приступить к составлению тематического плана, разослало письма ко всем членам и кандидатам союза советских писателей с просьбой сообщить о творческих замыслах, чтобы все это учесть при составлении плана. Уже первые ответы дают много интересных предложений, корректирующих план.

Историческая правда «Войны и мира»

Н. ГУСЕВ

Толстосалая эпопея «Война и мир» со-
здалась и расширялась постепенно.
Как известно, начал роман в 1863 г.,
Толстой первоначально имел в виду на-
писать лишь семейный и психологический ро-
ман на фоне исторических событий более
чем за полвека — с 1805 по 1866 год.
Следы такого построения романа остались
в его первой части, напечатанной в 1865 г.
в «Русском вестнике».

Решение ввести в роман исторические
личности эпохи 1812 года является у Тол-
стого лишь в марте 1865 г. Сохранился
его краткий дневник этого года, дающий не-
которые представления о зарождении и раз-
витии этого замысла. 19 марта Толстой за-
писывает: «Я зачитался историей Наполео-
на и Александра. Сейчас меня облекло ра-
достью и сознанием возможности сделать вели-
кую вещь охватила мысль написать психоло-
гическую историю романа Александра и
Наполеона».

Далее в записи дневника перечисляется
ряд событий из жизни Наполеона, привлекая
внимание Толстого-художника. Анализ
этих записей не оставляет сомнения в том,
что источником их послужили мемуары од-
ного из маршалов Наполеона — Оттога
де Мармона, герцога Рагузского. Эти мемуа-
ры несомненно оказали влияние и на по-
нимание Толстым личности Наполеона. Запись
19 марта 1865 г. заканчивается словами:
«Надо написать свой роман и работать для
этого». На следующий день, 20 марта, он
опять записывает: «План истории Наполео-
на и Александра не ослабел». План этот,
повидному, сильно захватил Толстого, так
как 25 марта он записывает, что рассказы-
вал этот план своему брату. Еще несколько
раз отмечается в дневнике Толстого чтение
мемуаров Мармона. К сожалению, дневник
Толстого прерывается с 10 апреля 1865 г.
вплоть до 19 сентября. Он возобновляется
лишь на короткое время (до 12 ноября) и
заканчивает очень немногие указания
относительно писания «Войны и мира». По-
сле 12 ноября 1865 г. дневник Толстого
прерывается на 15 лет, и о том, как писался
«Война и мир», мы имеем далеко не
полные сведения.

Известно, что, пойдя к описанию Боро-
динского сражения, Толстой почувствовал
необходимость лично увидеть место действия
своего романа. 25 сентября 1867 г. он со
своим шурином поехал из Москвы на Бо-
родиноское поле. Зесь он пробыл два дня,
дважды объехал все поле, делал заметки,
составил план сражения, который потом на-
печатал в своей книге, и, вернувшись 27
сентября в Москву, писал жене: «Я очень
доволен, очень — своей поездкой... Только
бы дал бог здоровья и спокойствия, а я на-
пишу такое Бородинское сражение, какого
еще не было».

Значение этой поездки Толстого для уяс-
нения хода Бородинского сражения до сих
пор не учитывалось литературоведами.
Между тем одним из результатов поездки
Толстого явилось его утверждение, что пер-
воначальное расположение русских пози-
ций при Бородине было совершенно иное,
чем оно оказалось во время сражения, что
Бородинское сражение принято было русски-
ми войсками не на укрепленной и вперед
избранной позиции, как это писали впослед-
ствии официальные историки, а произошло
на совершенно неожиданном и почти не-
укрепленном месте. Это мнение Толстого
было признано совершенно справедливым
военными специалистами.

Вопрос об исторических источниках, ко-
торыми пользовался Толстой при писании
своего романа, и о том, как именно пользо-
вался им Толстой, до сих пор не изучен в
достаточной степени. По каталогу Яснопо-
лянской библиотеки видно, какие книги по
вплоть 1812 года из его собственной библио-
теки были в руках у Толстого. Но Яснопо-
лянская библиотека не дает нам возможно-

сти составить полный список всех источни-
ков Толстого. Во-первых, Толстой не был
библиофилом и не сохранил тщательно книг
своей библиотеки, вследствие чего многие
книги, относительно которых мы определен-
но знаем, что они читались и изучались
Толстым, в библиотеке его не сохранились.
Во-вторых, многие книги Толстой брал в
Москве у знакомых и в библиотеках. При-
ходится поэтому прибегнуть к другому спо-
собу: из сравнения текстов «Войны и ми-
ра» с историческими материалами устано-
вить, какими именно источниками пользо-
вался Толстой. Все, что мы имеем в этом
отношении, сводится пока к следующему.

В 1912 г. в Москве в издательстве «За-
друга» вышел сборник «Война и мир» под
редакцией В. П. Обинского и Т. И. Полне-
ра. Здесь была напечатана статья К. В.
Покровского «Источники романа «Война и
мир». Оговорившись, что ввиду «ограничен-
ных размеров статьи» он перечисляет «сла-
бо или совсем известные ему материалы», ав-
тор указывает ряд сочинений как на рус-
ском, так и на французском языках, кото-
рыми пользовался Толстой, причем указывает
и те эпизоды, описываемые в этих сочи-
нениях, которые были введены Толстым в
его роман. Автор пытается разделить эти
источники на семь групп — в зависимо-
сти от того, как именно был использован
Толстым содержащийся в них материал. Он
устанавливает, что иногда Толстой пользо-
вался источником почти буквально; в дру-
гих случаях подвергал текст источника «об-
раз или менее крупным изменениям, необ-
ходимым по ходу действия его романа». Ча-
ще всего, пользуясь готовой схемой каки-
нибудь эпизода, Толстой на основании его
создавал отдельный художественно закончен-
ный рассказ, — часто даже на основании
«какого-нибудь незначительного замечания,
так сказать, только намека на событие».
Наконец в ряде случаев можно наблюдать
у Толстого не столько прямое заимствова-
ние, сколько отдаленное влияние прочтанных
им книг.

17 декабря 1872 г. Толстой писал Н. Н.
Страхову: «Да пожелайте мне работать. До
сих пор не работаю. Обложился книгами о
Петре I и его времени; читаю, отмечаю, по-
пытаюсь писать — и не могу. Но что за
вдох для художника! На что ни взгля-
нешь — все задача, загадка, разгадка кото-
рой только и возможна поэзией».

О том же самом — об отношении поэзии
к действительности — Толстой писал в
следующем неопубликованном отрывке, от-
носящемся к «Войне и миру» и написанном
в 1869 г.:

«Я начал писать книгу о прошедшем.
Описывая это прошедшее, я намерял, что не
только оно неизвестно, но что оно известно,
описано совершенно невыгодно тому, что
было. И невольно я почувствовал необходи-
мость доказывать то, что я говорил, и вы-
сказывать те взгляды, на основании кото-
рых я писал. И далее: «Другой разряд моих
читателей — это те, для которых главный
интерес в моей книге — исторический.
Многие из этих читателей недовольны тем,
что я уничтожаю признанные славы. Отче-
го бы не отдать славу русскому народу, и
Ростопчину, и принцу Виртембергскому, —
все можно вместе. Отвечая на это, я должен
повторить триумф, — что я старался писать
историю народа. И потому Ростопчин, гово-
рящий: я сожгу Москву, как Наполеон, и
накажу свои народы, — не может никак
быть великим человеком, если народ есть
не толпа баранов». Отчего с его талантом
он не описал героев? Отчего, — говорит
старая худая дама, — вы сделали мою пле-
мянницу такой красивой, а меня не хотите,
ведь у вас талант? — Именно потому, что
я художник, а не могу сделать из вас ни-
чего, кроме карикатуры, и, не для того,
чтобы оскорбить вас, сударыня, а потому,
что я художник. Я художник, и вся жизнь

моя проходит в том, чтобы искать красоту».
— «Да ведь вы художник, вы можете укра-
ситься».

Так говорят многие, как будто иску-
ство есть суровое золото, которым можно
позолотить что хочешь. Искусство же имеет
законы, и если я художник, и если Буту-
зов изображен мной хорошо, то это не по-
тому, что мне так захотелось (я тут не при-
чем), а потому, что фигура эта имеет усло-
вия художественные, а другая нет... На что
много любителей Наполеона, а ни один поэт
еще не сделал из него образа и никогда не
сделает».

Повинуясь своему призванию поэта, Тол-
стой изучал исторические источники не до
того предела, до которого их изучают уче-
ные. Он изучал их до того момента, пока
перед его художественным взором не возни-
кал цельный образ исторического лица и
цельное представление об историческом со-
бытии. Как только он достигал своей цели,
изучение прекращалось.

В своей статье «Несколько слов по по-
воду книги «Война и мир» Толстой писал, что
в сочинениях о 1812 году он находил «осо-
бенный склад выспренней речи, в которой
часто лежи и извращение переходя не толь-
ко на события, но и на понимание значе-
ния событий». Как пример такого сочине-
ния, Толстой называет книгу французского
историка Тьера «Histoire de l'Empire».
Можно указать на один очень яркий пример
того, как «выспренный тон» Тьера, при-
великий его к прямой фальсификации исто-
рического документа, был почувствован Тол-
стым, художником-реалистом.

В одной из глав 3-го тома романа опи-
сывается, как французские солдаты захвати-
ли казака и привели его к Наполеону.
Эпизод с русским казаком, захваченным в
плени и привезенным к Наполеону, был за-
имствован Толстым из книги Тьера. Тьер
рассказывает, что как только казак сообщи-
л, что перед ним император французов
Наполеон, казак, охваченный каким-то
остолбенением, не произнес ни слова и про-
должал ехать, не спуская глаз с завоевате-
ля, имя которого дошло до него через степи
Востока». Толстой не мог поверить этой
выспренности французского шовинистиче-
ского писателя; у него пылкий денщик Ла-
рушка просто «притворился изумленным,
ошеломленным».

Теперь оказывается, что Тьер выдумал
весь этот эпизод с «остолбенением» казака.
Случай с поимкой двух русских солдат
на переходе из Вязьмы к Пареву Займи-
щину был взят Тьером из неопубликован-
ных в то время записок французского посла

в Петербурге Коленкура. Наследники Ко-
ленкура долгое время никого не допускали
до его записок; только Тьеру и другому
историку — Вандау было разрешено по-
знакомиться с ними в рукописи. Всего толь-
ко пять лет назад, в 1933 г., был опубли-
кован первый том записок Коленкура под за-
главием «Mémoires du général de Caulain-
court, duc de Vicence». Оказалось, что у Ко-
ленкура нет ни слова о том изумлении, ко-
торое будто бы почувствовал русский казак
при виде Наполеона. Коленкур рассказы-
вает, что были взяты в плен двое: повар
Платова — негр, и казак, отбившийся от
русских арьергардов. Наполеон сначала че-
рез переводчика расспрашивал негра, и ко-
гда тому сказали, что с ним разговаривает
император, негр «поклонился, несколько раз
распростерся на земле, начал танцевать,
скакать, петь и веселиться крикливо». О
впечатлении, которое произвел Наполеон на
казака, Коленкур не упоминает; казак об-
стоятельно и с хитрой отечкой на распро-
сы, Тьер сделал из негра и казака одно ли-
цо — «казака-канонира из отряда Плато-
ва», а крикливого негра превратил в «остол-
бенение» и «восторг» казака. Толстой, хотя
и был очень невысокого мнения о книге
Тьера, не мог преставить себе, что Тьер
просто выдумывает. И фантастическую кар-
тину Тьера Толстой переделал в духе прав-
ды и реализма.

Вопрос об историчности «Войны и мира»
нельзя считать разобраным и разрешенным
до конца. Достаточно сказать, что Толстой
считал «самым драгоценным материалом» о
Наполеоне две книги: C-te de Las Cases,
«Mémorial de Saint-Hélène» и O'Meara,
«Napoléon in exile or a voice from St. Helena»
(письмо Толстого к А. И. Эртелю от 16 ян-
варя 1890 г.). Первая из этих книг имеется
в Яснополянской библиотеке; она испещрена
многочисленными пометками Толстого. От-
сюда Толстой заимствовал «дрожащие левой
кирды» у Наполеона. (Здесь, на стр. 113
приведены следующие слова Наполеона:
«Мое волнение, должно быть, было очень
сильно, ибо я почувствовал дрожание моей
левой кирды. Это великий признак у меня,
и это давно уже со мной не случалось»).
Эта подробность, неужная для историка,
была замечена Толстым, сделавшим отметку
на полях в этом месте книги, и использо-
вана при описании разговора Наполеона с
Балашовым. Пометки Толстого на книге
Ласказа до сих пор не изучены. Другая же,
названная Толстым книга не названа ни в
одном списке источников романа и никем из
исследователей не изучена.

Перед историками русской литературы
стоит большая задача: дать анализ соеди-
нения прозы и поэзии у Толстого.

Бетховенское

А. ДЕРМАН

«...Хоть бы эту Крейперову сонату, гер-
вое престо. Разве можно играть в первое
среди деконструированных дам это пре-
сто? Сыграть и потом похлопать, а потом
есть мороженое и говорить о последней
сплетне. Эти вещи можно играть только
при известных, важных, значительных
обстоятельствах, и тогда, когда требуется
совершить известные, соответствующие этой
музыке важные поступки».

Это в «Крейперовой сонате» Толстого
говорит Позднышев.

Роковой момент его жизни связан с этой
музыкой, потому, отчасти, он так и гово-
рит. Но случайно ли именно эта соната
Бетховена сделана улом трагической судь-
бы Позднышева?

Нет, мы чувствуем, что это не случай-
ный выбор Толстого. Еще, пожалуй, наме-
гаем изображение не слишком бы противво-
лостно Крейперовой сонаты другим. Одно-
ва характерным произведением Бетховена.
Напечатанным себе, что в повести «Крейперова
соната», в такой, какою мы ее знаем, вме-
сто бетховенской сонаты исполняется про-
изведение не Бетховена, — это невоз-
можно.

Почему?
Потому, что это самая серьезная музыка
на свете. Слушая ее, мы не сомневаемся
ни в глубине той человеческой души, кото-
рая ее создала, ни в том, что эта душа вся,
без остатка, перелилась в эту музыку.

Это самое ощущение единственности в сво-
ем роде серьезности вызывает в нас твор-
чество Толстого. Мы знаем хорошо его био-
графию со всеми ее противоречиями. Бла-
годаря его собственным усилиям все его
«непоследовательности» рельефно выплыва-
ют. Мы знаем, что ему не чуужо было
ни честолюбие, ни славолюбие, ни тщесла-
вие. Но кто из злейших врагов и обли-
чителей Толстого когда-то бы не было
сомнения в том, что когда он брал в руки
перо, когда он писал свои художественные
вещи, он знал над собою только одну
власть — власть правды.

В своих поисках правды он мог оши-
баться и, как мы знаем, ошибался, но не
мог покривить душой. И ведь благодаря
именно этому ему, графу и аристократу по
рождению, оказалось возможно выполнять
функцию зеркала русской революции. На
заре своей творческой работы он твердо на-
писал: «Герой же моей повести, которого я
люблю всеми силами души, которого стар-
шая воспроизвести во всей красоте его,
и который всегда был есть и будет пре-
красен, — правда». После того, как эти
слова были написаны, Толстой прожил
55 лет — и ни разу не изменил им.

В беседах с молодыми писателями Тол-
стой нередко говорил, что писать следует
только тогда, когда не можешь не писать,
как не можешь не кашлять. И на вещах
его явственно лежит этот резкий, характер-
ный отпечаток непреодолимой внутренней
авторской потребности.

Его очень легко обнаружить. Во-первых,
в стихийном накоплении вариантов. Еще
совсем недавно были опубликованы вариан-
ты начала незавершенного исторического
романа Толстого из эпохи Петра I. И вот
переходя на прозаическое, одно начало, потом
другое, потом еще и еще и еще. И отлича-
ются-то они друг от друга не слишком
сильно. Совершенно ясно ощущается этот
процесс: дисгармония между стремлением
выполнить неформальные образы и их
трудным, мучительным выстраиванием; не-
удовлетворенность достигнутым результа-
том, и новое, бесконечное возвращение к
исходной точке.

А затем — тот же отпечаток в самом
стиле Толстого. Стиль Толстого явственно
свидетельствует об этом: что Толстой не
до стили. У него есть только одна забота:
выполнить и довести до полной ясности те
очень серьезные, для него самого важней-

шие в данный момент, мысли, которые его
захватили.

И мы, читатели, мы чувствуем. Мы про-
ходим мимо всех характерных толстовских
переходов, нам, читателям,
захваченным могущественным процессом
воплощения авторской мысли, тоже не до
них. Более того, — они подчас чужды до
логичности нам, чем-то пены. Они порой вос-
принимаются нами точно так же, как «нару-
шение порядка» в самой природе, — как
трещина в скале, как кривизна ствола мо-
гучего дуба. Они — следы и показатели
этой стихийной внутренней правды
автора, которому не до гладкости, не до
аппетитности.

Фон нашего восприятия произведений
Толстого — ощущение их глубочайшей
серьезности. Мы верим каждой его инто-
нации. И это — необычайно важно. Это
тот незримый коэффициент, тот «множи-
тель», который во много раз усиливает в
нас впечатление от самых простых слов,
выражений, образов и положений, когда
их употребляет Толстой.

Вот мы открываем первый лист «Вос-
кресенья» и читаем: «...березы, тополя, че-
рушка распускали свои клейкие и па-
хучие листья, липы надували долавнище-
ские почки; липы, воробья и голуби по-ве-
сеннему расточно готовили уже гнезда, и
мухи жужжали у стен, пригретые солн-
цем. Веселы были и растения, и птицы,
и насекомые, и дети. Но люди — большие,
взрослые люди — не переставали обманыв-
ать и мучить себя и друг друга».

Ведь это — не только сотни лет до
Толстого написано, это — колючая сентен-
ция. Но этих «банальных» слов нельзя чи-
тать без глубокого и свежего волнения,
сколько бы раз вы ни принимались за
«Воскресенье». Точь в точь, как без особен-
ного волнения нельзя слушать первые же
звuky давно известных и очень простых ве-
щей Бетховена. Потому что вы чувствуете
иско свежесть и серьезность этих обычных
слов для самого Толстого. Для него они —
не обычные, и ветхая чешуя «привычки»,
бездумного употребления этих слов, осы-
пается с них под пером Толстого.

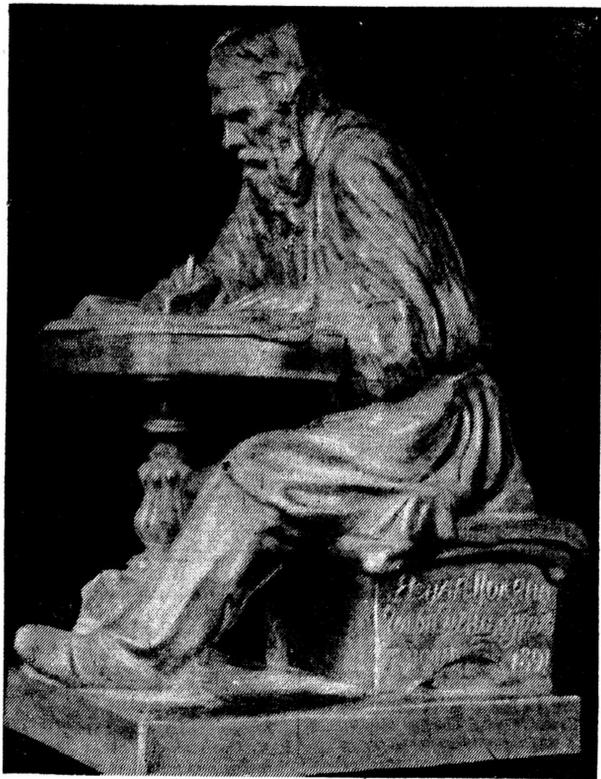
Мы знаем, что Толстой в свое время
враждался в литературных кругах. Он
одним из основателей старого Литературно-
го фонда. Он издавал свои книги, получал
гонимый. Он испытывал ряд литературных
влияний (Руссо, Стерна, Стендаля, Пуш-
кина). Все это так. Но согласитесь — при-
менить к Толстому эпитет «литератор»
странно. Он и сам это чувствовал и гово-
рил, что он (и Лермонтов) не литераторы.

И в этом есть какая-то правда. У ли-
тератора есть специфические литературные
интересы, литературные цели. Они были у
великих, у величайших писателей. У Пуш-
кина, у Достоевского. А какие литературные
«интересы» и цели были у Толсто-
го?

К нему это неприменимо. И в этом при-
чина того, на первый взгляд непонятно-
го факта, что у Толстого, как у ли-
тературного мастера, нет школы. Он, как
никто, повлиял на русскую литературу
(и не на одну русскую) в смысле утвер-
ждения верховным законом искусства —
простоты, правдивости, бескомпромис-
сности. Но в смысле специально-литератур-
ном, в смысле «поэтики» — у Толстого
нет учеников. О школе Пушкина, Турге-
нева, Чехова можно говорить, а о ком мы
скажем, что он писатель, прошедший тол-
стовскую школу мастера?

Ни о ком, — потому что ее и быть не
могло. Потому что толстовское мастерство
полностью обусловлено этим «бетховен-
ским» строем его творчества.

Следовать Толстому, как художнику,
можно только тем же путем: избрав себе
героем только одну правду и ей отдать
всего себя.

Л. Н. Толстой, скульптура И. Гинцбурга, 1891 год.

Вл. НЕЙШТАДТ

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

В 1878 году Тургенев писал Фету о
Толстом: «Его имя начинает приобретать
европейскую известность; нам, русским,
давно известно, что у него соперника нет».
Самому Тургеневу в это время евро-
пейская критика присудила первое место
на литературном Олимпе. Но Тургенев, ма-
ло заботившийся о своей европейской сла-
ве, хлопотал, главным образом, о славе
русской литературы. Страстный пропаган-
дист Пушкина и Гоголя, он ревностно на-
чинает теперь пропагандировать в Евро-
пе произведения Толстого. Он устраивает
в Париже литературные вечера, посвящен-
ные его творчеству, он сам делает докла-
ды о романе «Война и мир», появившемся
в 1879 г. на французском языке, он рас-
сказывает «Войну и мир» крупнейшим фран-
цузским писателям и критикам — Фло-
беру, Тэну, Абу.

«Должно надеяться, — пишет Тургенев
Льву Николаевичу из Парижа (28.III,
1879 г.), — что они войдут всю силу
и красоту вашей эпопеи... Перевод несколь-
ко слабоват — не сделан с усердием и лю-
бовью — Я на-днях в 5 и 6 раз с новым на-
следием перечел это ваше, поистине, вели-
кое произведение. Весь его склад далек
от того, что француз любит и что они ищут
в книгах; — но, правда, в конце концов,
берет свое... Я надеюсь, если не на блестя-
щую победу — то на прочное, хотя и мелкое
завоевание».

Тургенев действительно хорошо знал,
что французы любят и чего они ищут в
книгах; он имел основания опасаться за
успех произведения, которому сам он не
находил равного во всей европейской ли-
тературе. Но на этот раз он ошибся: он
недоучел силы Толстого, «Война и мир»
сразу принесла автору блестящую и бес-
спорную победу на европейском и аме-
риканском континентах.

Спустя две недели после цитированного
письма Тургенев имел уже возмож-

ность сообщить Толстому восторженный
отзыв Флобера о «Войне и мире».

За «Войной и миром» последовала «Ан-
на Каренина» и другие произведения Тол-
стого, принятые также с волнением и вос-
хищением не только в литературных, но
и в самых широких читательских кругах.
Роман Роллан рассказывает в своей книге
о Толстом, как он был свидетелем волне-
ния, вызванного чтением «Смерти Ивана
Ильича» у французских провинциалов, по-
видному, совершенно равнодушных к ис-
кусству.

Слава Толстого шла быстрыми шагами.
В конце 1879 года Тургенев, как мы ви-
дели, сомневался еще в быстром успехе
«Войны и мира», а в 1883 году француз-
ский критик Мельхор де Вогюе торже-
ственно заявил, что сомнение уже другого
порядка. В статье, посвященной памяти
Тургенева, он писал: «Английская крити-
ка, обладающая холодным взглядом и не-
способная преувеличивать, признала за
Тургеневым первое место. Мне так и хо-
чется подтвердить этот приговор, перечи-
тывая его волшебные страницы, но я воз-
держиваюсь, вспоминая об удивительном
Льве Толстом».

В сущности, не так-то уж важен этот
вопрос о «местничестве», но стоит заду-
маться над тем, что разговор шел только
о русских писателях. Русская творческая
культура бесспорно выдвинулась на пер-
вое место.

В 900-х годах мировая слава Толстого
достигла своего апогея. Вспомним, какой
успех выпал на долю «Воскресенья». За-
рубежные издательства дрались между со-
бою за право выпустить этот роман и по-
ставить на обложке марку: самое полное
издание. За полтора года «Воскресенье»
было переведено на 30 языков.

Толстой-художник попрежнему волновал
все умы. Об этом говорит десятки повтор-
ных изданий художественных произведений
Толстого, в то время как его философские
произведения редко-редко где превращают
3—4 отдельные издания.

Западноевропейская критика и читате-
ли умели отличать Толстого-художника от
Толстого-моралиста. Равнодушные или даже
враждебные к последнему сказывались
не только в отношении его собственно фи-
лософских или религиозных сочинений, но
проявлялись зачастую и в отношении мо-
рально-философских идей художественно-
го произведения. Уже Флобер в своем от-
зыве о «Войне и мире» показал это. Он
писал Тургеневу, что, читая роман, он
воскриснул от восторга. Его потрясли
жизнь и психология романа. Но когда
он чувствовал разочарование — там, где
Толстой начинает философствовать.

Уместно задать вопрос, законна ли
такая «операция разделения» над Тол-
стым? Ответ может быть только один:
законна. У великого художника великая
права избирательства торжествует над лож-
ной субъективной идеей, и эта правда изоб-
ражения нечуждо ведет к правде со-
циальной. Так было и у Толстого. Заме-
чательно почувствовал это Чехов, как по-
казывает его отзыв о романе «Воскресе-
ние», о котором он писал в письме к М. О.
Меньшикову: «Воскресенье» — это заме-

чительное художественное произведение.
Самое интересное — это все, что гово-
рится об отношениях Нехлюдова к Га-
лере, и самое интересное — князя, ге-
нералы, тетюшки, мужики, арестанты, смор-
трители. Смену у генерала, команданта Пе-
тропавлов, крепости, синирта я читал с за-
миранием духа — так хорошо!».

Как видим, моральная идея романа, рас-
крывающаяся именно в отношениях Нех-
людова к Масловой, просто отстраняется
Чеховым. Его восхищает правда изображе-
ния, реализм великого художника.

Так понимали Толстого люди, властно по-
коренные правде его искусства. Все худо-
жественные произведения Толстого были
очень высоки. Но два из них были об-
ъявлены недостогаемыми.

«...Космические памятники, господствую-
щие над всем романом девятнадцатого
века — «Война и мир» и «Анна Каре-
нина», — утверждает Ромэн Роллан. И это
— не одностороннее утверждение.
Но из двух гигантских полотен Толстого
особое значение получал роман «Война и
мир». В 80-х годах натуралистический ро-
ман, созданный Эмилем Золя и оказавший
большое влияние на европейскую ли-
тературу, находился в упадке. В это время
родилось требование новой формы романа,
в котором, по выражению французского кри-
тика Генкекена, должны были найти себе

место целый народ и целая эпоха. Этому
требованию и отвечала эпопея Толстого.

«История жизни нескольких семейств
в «Войне и мире», — говорит немецкий
историк литературы Брокнер, — долж-
на была стать эпопеей, ибо всюду она
приходит в соприкосновение с жизнью на-
рода». Еще более решительно утверждает
это Ромэн Роллан, которому принадлежат
самые блестящие страницы в обширной
западноевропейской литературе о Толстом.
«Толстого, — пишет Ромэн Роллан, —
вылегло от романа личной судьбы к ро-
ману армий и народов, больших челове-
ческих масс, в которых сливаются воли
миллионов существ... Слова «Войны и ми-
ра» — в возрождении целой исторической
эпохи, переселений народов, битвы напий.
Истинные ее герои — народы».

Возрождение эпопеи — вот что признала
европейская критика за Толстым. Роллан
перекидывает мост от Гомера к Толстому.
Он называет «Войну и мир» новейшей
Илиадой, в которой живет целый мир об-
разов и страстей, в которой действуют сот-
ни героев необыкновенной жизненной мо-
щи. А немецкий критик Цабель еще более
подчеркивает мировое значение этой вели-
кой народной эпопеи, ибо Толстой изобра-
зил в ней ту эпоху, когда «в пылающей
Москве зародился новый принцип образо-
вания и история европейских государств,
коренящийся в патриотизме и в единоду-
шном зренье национального чувства. С тех
пор этот принцип господствует в Европе.
Но провозглашен он был впервые под сте-
пями Кремля».

Я упоминал уже, что реалистическое
искусство Толстого произвело огромное
впечатление не только на мастеров запад-
ноевропейской прозы, но и на самые широ-
кие круги читателей. Реализм Толстого
с самого начала противопоставлялся ре-
ализму западных писателей. «Бальзак,
Жорж Занд и Стендаль, — говорит Тэй, —
любят больше свое искусство, чем людей.
Они пишут из любви к прекрасному.
Толстой — и это сразу почувствовали все
— писал не из любви к искусству, а из
любви к жизни, из любви к людям. По-
этому люди по-настоящему жили в его
произведениях. Это тоже почувствовали и

признали все, даже мастера, воспевающие
на самых строгих принципах латинского
искусства. «Надо сказать правду, — со-
знавался, например, Жорж Цабель, —
это искусство Толстого, менее строгое и
менее сконцентрированное, дает более
ощущение живой действительности». От-
чего это происходит? Оттого, — утверж-
дают все в один голос, — что Толстой не
просто описывает, а заставляя вас вме-
сте с ним пережить все, что он изобра-
жает. «Стоит сравнить, — пишет Брок-
нер, — хотя бы картину скачек у Золя
в «Нана» и у Толстого в «Анне Каре-
ниной», чтобы признать громадный перевес
за русским писателем. Золя дает фотогра-
фию, внешнюю зарисовку со стороны...
Толстой — Вронский сам принимает участие
в скачке, передает впечатление спортсме-
на, волеуверляемого одним взглядом лошади.
Или возьмите картину косыбок, охоты
и т. д. — она была бы точно заснята
аппаратом француза и равнодушно постав-
лена перед нами. Не то Толстой; он за-
ставляет нас переживать и постепенное утле-
чение руки косаря, и неустанное иска-
ние собаки...».

Напомним еще об искреннем восхище-
нии Романа Роллана: «Его герои так инди-
видуальны и так нарисованы, что их уже
нельзя забыть — всех этих солдат, кре-
стьян, велижков, русских, австрийцев,
французов. Эта портретная галерея (речь
идет о «Войне и мире») не имеет себе
равной во всей европейской литературе».

Так покорила весь мир удивительный Лев
Толстой, Толстой-художник.

И потому нас не удивит такое призна-
ние норвежского драматурга Бьернстерне-
Бьенсона: «Я не разделяю его религиоз-
ных верований, во многом не разделяю
его взглядов на различные стороны жизни,
но это не уменьшает ни моей любви, ни
моего восхищения им».

Толстой-художник — гордость мировой
литературы.

Из «Ежедневников» С. А. Толстой

Публикуются впервые

Широким кругом читателей хорошо известны дневники жены великого писателя — С. А. Толстой. Эти дневники кончаются 1910 годом, т. е. годом смерти Льва Николаевича. Софья Андреевна после смерти мужа дневников не вела. Однако она по привычке продолжала до самой смерти вести «Ежедневник», т. е. записки на каждый день в календаре. Наиболее полно вела Софья Андреевна «Ежедневник» в последний год своей жизни — 1919.

«Ежедневники» Софья Андреевна Толстая рисует главным образом яснополянскую обстановку. После смерти Льва Николаевича Софья Андреевна жила в Ясной Поляне почти безвыездно, тщательно оберегая всю обстановку усадьбы, в которой родился, жил и работал Лев Николаевич Толстой. Еще в 1911 году Софья Андреевна обратилась к Николаю II с просьбой приобрести Ясную Поляну во владение русской казны, чтобы предотвратить разорение семьи Толстых и распродажу Ясной Поляны по частям. Парское правительство ответило С. А. Толстой категорическим отказом, заявив словами обер-прокурора Синода Саблера, что «увековечение на казенный счет памяти Толстого будет попятно как желание упорчить в народном сознании его учение». То, что оказалось сделать парское правительство, выполнила советская власть. С. А. Толстой не пришлось быть свидетелем той огромной работы, которую провела советская власть по сохранению и использованию всего, что было связано с именем Толстого.

★ ★ ★

3 марта. По обыкновению с утра засуетилась с хозяйством. Потом приехал 5 человек большевиков и непонятно почему, привели нам белой муки, сыру, кофе, чаю. Люди они нам мало понятны.

5 марта. ...Облаженный ездил в Тулу на собрание Толстовского просветительного общества. Я не верю в их деятельность и пользу.

25 апреля. Слух, что ген. Колчак разбит с своим войском, и 500 пленных взяты. Правда ли? А доверчивые люди возлагают все надежды на него.

19 мая. Приходила целая экскурсия молодежи, 70 человек. Ходил с П. А. Сергеевко на могилу, шел «Вечную память» Льву Ник-чу. В дом не пустили; их слышком много...

21 мая. ...Вечером на автомобиле приехали большевики, главный военный комиссар М. Прох. Оселин из неграмотных крестьян... Самодельные они и страшные по смелости действия и свободе.

12 июня. ...Приезжала экскурсия школьников. Тая показывала им конюшни.

22 июня. ...Наехало много посетителей и я очень устала. Очередь совещания Толстовского Общ. — один час, дела мало...

23 июня. ...Приходили из Тулы экскурсанты, дети — школьники. Тая им показывала комнаты Льва Николаевича.

25 июня. ...Слух о приближении Деникина к Ельцу.

4 июля. ...Возмущение сведения о войне: взят Елец... Взятии Орел, Харьков, Екатеринбург, Курск и что-то еще. Что-то будет!

13 июля. ...Приходили и приезжали экскурсия смотреть ваш дом и посетить могилу.

14 июля. ...Слухи, что к Туле подходит войском генерал Деникин... Что-то будет?

19 июля. ...Слухи, что идет с войском Деникин бит большевиков, но будет ли лучше — бог знает! Нам большевики все дают и нас ничем не обижают.

26 июля. ...Тревожные слухи, что идут на Тульск. губ. войска Деникина, и будут нас грабить.

14 августа. ...Слухи о погибавшем владении — большевиком. Все радуются, а [я] им благодарна за постоянные услуги и любовь.

1 сентября. ...Слухи ходят, что в деревне нашей Ясная Поляна размещат красногвардейцев, войско против Деникина.

2 сентября. ...П. А. Сергеевко делается все более и более невозможным своим грубостью. Какой наглый, чуждый тип.

го, в целях популяризации его художественного творчества. Уже после смерти С. А. Толстой Ясная Поляна постановлением ВЦИК от 13 июня 1921 г. была превращена в своего рода культурно-исторический заповедник. После Великой Октябрьской революции яснополянская усадьба была оставлена во владении Софьи Андреевны. Как свидетельствуют «Ежедневники» С. А. Толстой, была проявлена тщательная забота частей Красной Армии об охране Ясной Поляны в суровые лето и осень 1919 года, когда враг угрожал Туле, вблизи которой находится усадьба Толстых. Интересно отметить и тот факт, зафиксированный в «Ежедневниках» С. А. Толстой, что Ясная Поляна, находившаяся в ту пору вблизи линии фронта, усиленно посещалась многочисленными экскурсиями.

«Ежедневники» С. А. Толстой интересны еще тем, что они проливают свет на корыстные, низменные действия толстовцев, пытавшихся в первые годы революции в свои руки захватить Ясную Поляну. Контраст между действиями дельца-толстовца П. А. Сергеевко или, как метко заметила Толстая, «святоши» Л. П. Маковицкого и всего толстовского общества и действиями органов советской власти и частей Красной Армии — разительен.

Ниже мы публикуем некоторые выдержки из «Ежедневника» С. А. Толстой за 1919 год, хранящегося в рукописном отделе Государственного Толстовского музея в Москве.

★ ★ ★

5 сентября. ...Вечером тревожные вести о размещении солдат по крестьянским избам с их командиром полковником; а с другой стороны о присылке из Тулы солдат для охраны яблочного сада.

6 сентября. ...Пригласил нам много солдат: часть поселили по деревне Ясной Поляны для каких-то работ; часть караулит яблочный сад. Подумать страшно, что живут вооруженные люди на территории, где родился Толстой!

15 сентября. ...В саду солдаты-сторожа стреляли в покушающихся на воробьево дерево. Их было около 40 человек. П. А. Сергеевко кричал против стрельбы, я молчала.

16 сентября. Не могу преодолеть своего отвращения к Душану Петровичу¹, что он завел связь с своей сизидкой в комнате Льва Николаевича... Плохо я оружена на старости лет. П. А. Сергеевко с одной стороны, Душан Петрович с другой.

17 сентября. Узнала, что Душан вступил в связь с Катрешкой, и произошло это рядом с кабинетом Льва Николаевича. Какое безобразие и нахальство! Ох уж эти святоши! И беззастенчиво рассказывает о своем грязном поступке.

18 сентября. ...Он (Сергеевко — М. У.) мне кричал между прочим: «Когда вы освободите нас от себя?»

26 сентября. Нагрянули в наш дом красноармейцы и сделали в доме штаб эскадрона... Заняли комнату Сами², девчонку и под сводами.

30 сентября. ...Страшно стало жить: на деревне расположился целый эскадрон, и в доме нашем начальство. Грозит сражением в Ясной Поляне, как только придет Деникин. До чего дожил! Говорят, что снаряды могут нас всех убить и разрушить наш дом.

1 октября. ...Идут переговоры об удалении солдат с неприкосновенности Ясной Поляны и могилы Льва Ник-ча.

10 октября. ...Мы здесь, в Ясной Поляне еще не бедствуем...

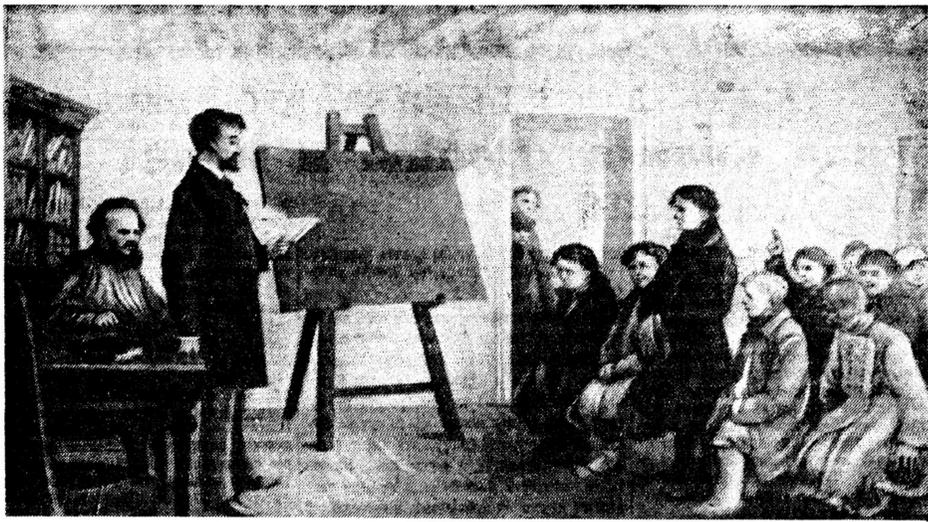
16 октября. ...Уехали солдаты, весь 21-й кавалерийский полк (Красной армии. — М. У.). Оказались хорошими ребятами — молодые, и порядочными людьми — более взрослые.

*

Октябрем 1919 года кончатся «Ежедневники» С. А. Толстой. Болезнь, а затем смерть прервали эти записки.

И. УСПЕНСКИЙ

¹ Душан Петрович Маковицкий — врач, известный толстовцев, в то время проживавший в Ясной Поляне.
² Дочь писателя.

На уроке в Яснополянской школе. Слева (сидит) Л. Н. Толстой. Рисунок Лебедева

ЯСНОПОЛЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

При углубленном изучении творчества писателя чрезвычайно важно знать тот круг авторов и идей, в котором формировалась его мысль, складывалось его мировоззрение. Исследование библиотеки писателя, изучение его читательских интересов открывают источники, питающие его творчество, литературные влияния и т. д. Подробное описание библиотеки Пушкина, сделанное в 1910 г. Б. Л. Модзалевским, прочно вошло в обиход пушкиноведения. За последние годы к этому основному описанию прибавились дополнения. Библиографические описания эти, давая полную картину состава библиотеки поэта, подробно перечисляют все пометки, сделанные им на книгах.

Благодаря этим описаниям исследователю имеет возможность обратиться непосредственно к тем самым книгам, которые оказали то или иное воздействие на поэта. Но подобными описаниями писательских библиотек мы не богаты. С меньшими подробностями описана библиотека Достоевского, имеются общие очерки о библиотеках Тургенева, Чехова, Горького.

До сих пор не имеем мы и подробного библиографического описания Яснополянской библиотеки Льва Толстого. Работа по описанию библиотеки была начата еще в 1912 г., но кроме трех-четырёх очерков общего характера, кроме описания немногих книг с пометками Толстого до сих пор ничего не опубликовано. Между тем исчерпывающее описание Яснополянской библиотеки представит исключительную ценность не только для литературоведа, изучающего творчество Толстого, но и для историка русской культуры.

Яснополянская библиотека насчитывает четырнадцать тысяч томов. Собрать ее начал отец Толстого. В своих «Воспоминаниях детства» Толстой рассказывает, что отец его много читал и собирал книги, главным образом французских классиков, исторические и естественно-исторические сочинения.

Нужда в 10 тысячках заставила меня отступить от моего намерения печатать мой роман отдаленной книгой. Я считал себя связанным случайным обещанием Русскому Вестнику печатать в нем, если бы я вздумал печатать в журнале, и потому сделал им предложение отнять 20 листов моего романа в их журнал, с платою по 500 р. за лист и выдачею мне 10 тысяч вперед, с обязательством в случае, если бы я не выдал в продолжение определенного срока рукописи, уплатить эти деньги; и с правом печатать роман отдаленно по выходе последних частей в журнал. Они стали торговаться, и я очень рад был, что этим освободил меня от своего обещания. Делаю теперь то же предложение вам, предумею, что я не отступлю от предлагаемых условий, и вместе с тем, зная, что предлагаемое мною условие тяжелее для журнала, я не сколько не удивлюсь, если вы их не при-

меня, и «поставил себе за правило не покупать новых книг, пока не прочтет прежних». Но, добавляет Толстой, «хотя он и много читал, трудно верить, чтобы он одолел все эти «Histoires des croisades et de rapres» (История крестовых походов и пап). Но библиотека, собранная отцом, была не велика, занимала всего два шкафа. Выросла же она за последние 50 лет, когда Толстой приобретал книги, нужные ему для работы.

Видную часть библиотеки составляют авторские подлинники и переводы сочинений Толстого на иностранные языки (подношения переводчиков). В числе книг с пометками Толстого авторскими написаны сочинения С. Т. Аксакова, Фета, Данилевского, Полонского, Жемчужникова, Эртеля, М. Горького, Мечникова, Тимирязева. Из иностранных писателей сделали пометки на своих книгах Вьерстерне-Бьерсон, Октав Мирбо, Марсель Превю, Ромэн Роллан, Поль и Виктор Маргерит, Бернард Шоу и многие другие.

По каталогу книги распределяются на следующие отделы: религия и философия, литература и критика, история, естественные науки, география и путешествия, педагогика и детские книги, экономика и юриспруденция, медицина и смесь, периодические издания.

Чтение Толстого было очень разнообразно, как был разнообразен и широк круг его интересов. На столе у него рядом с последними номерами иностранных журналов, трактатами по истории религии, можно было встретить и томик Мопассана или Чехова и сборник народных пословиц; рядом с книгой о думных болезнях лежал учебник географии.

Довольно значительное число книг Яснополянской библиотеки хранит караулящие пометки, сделанные Толстым. Особенно много отметок в книгах, которыми Толстой поль-

зовался при работе над своими произведениями. Испещрены отметками разные исторические сочинения: «История России» Соловьева, «Дневник, веленный в России в царствование Петра Великого» Берхгольца и др., из которых Толстой черпал материалы для своего незаконченного романа из эпохи Петра I. Много отметок на книгах, служивших Толстому материалами для «Войны и мира», «Хаджи-Мурата», исследования «Об искусстве». Испещрены отметками «Государь» Маккавелли, «Выборные места из переписки с друзьями» Гоголя, «Жизнь Иисуса» Штрауса, сочинения Руссо, Шекспира, сборники народных песен, былины, пословицы и притчи.

Следы внимательного чтения Толстого сохранились на экземпляре первого тома «Капитала» К. Маркса в русском переводе под редакцией Любимова (изд. 1898 г.).

На многих книгах Толстой делал пометки, содержащие оценку баллами от нуля до пяти. Так по пятибалльной системе отмечено несколько томов сочинений Леонида Андреева. В первом томе рассказов поставлены следующие баллы: «Большой плем» — 4, «Ангелочек» — 1, «Молчание» — третья глава — 5, «Вали» — 5 с крестом, «Рассказ о Сергее Петровиче» — 5. «На реке» — после первых десяти страниц написано: «до сих пор 5», а одна из страниц оценена нулем. «Ложь» — 0, «У окна» — помечено: «все не нужно». «Жили-были» — 5, «В темную даль» — 5, но у начала второй главы стоит ноль. В «Рассказе о семи повешенных» отмечено не менее пятидесяти мест буквами п или о. п. (то-есть, плохо, очень плохо).

«Старостские помешки» Гоголя оценены Толстым скромным баллом: тройкой, «Свистак» Гарины отмечен пятеркой.

К сожалению книги, имеющие отметки Толстого, описаны далеко не все.

Н. СЕРГЕЕВ.

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ПИСЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО

Н. А. НЕКРАСОВУ.
1874 г. ноября 8.

Милостивый Государь
Николай Алексеевич.

Нужда в 10 тысячках заставила меня отступить от моего намерения печатать мой роман отдаленной книгой. Я считал себя связанным случайным обещанием Русскому Вестнику печатать в нем, если бы я вздумал печатать в журнале, и потому сделал им предложение отнять 20 листов моего романа в их журнал, с платою по 500 р. за лист и выдачею мне 10 тысяч вперед, с обязательством в случае, если бы я не выдал в продолжение определенного срока рукописи, уплатить эти деньги; и с правом печатать роман отдаленно по выходе последних частей в журнал. Они стали торговаться, и я очень рад был, что этим освободил меня от своего обещания. Делаю теперь то же предложение вам, предумею, что я не отступлю от предлагаемых условий, и вместе с тем, зная, что предлагаемое мною условие тяжелее для журнала, я не сколько не удивлюсь, если вы их не при-

мете, и что ваш отказ несколько, надеюсь, не изменит тех хороших отношений, в которые мы вновь вступили с вами. Роман, вероятно, будет состоять из 40 листов. Печатающие окончания в вашем журнале или отдаленно будет зависеть от нашего дальнейшего соглашения.

В ожидании вашего ответа, остаюсь с совершенным уважением ваш покорный слуга
Гр. Лев Толстой.

8 ноября.

Публикуемое письмо, несомненно, относится к 1874 г. Роман, о котором в нем идет речь, — «Анна Каренина». Вероятно, в сентябре 1874 г., будучи в Москве, Толстой дал обещание одному из редакторов «Русского вестника» П. М. Лозинскому напечатать в их журнале свой роман. Затем произошла какая-то заминка в отношениях между Толстым и «Русским вестником», и в период этой заминки Толстой и написал публикуемое письмо Некрасову, в журнале которого («Естественные записки») он в сентябре того же года напечатал свою

статью «О народном образовании». Некрасов очень желал получить для своего журнала Толстого, о чем Толстой писал Н. Н. Страхову 8 ноября 1874 г.

Повидному, отношения Толстого с «Русским вестником» вскоре наладились, так как письмо к Некрасову осталось неотправленным, а роман со следующего года начал печататься в «Русском вестнике». Но публикуемое письмо интересно тем, что оно лишний раз показывает, что Толстой не имел никаких особых симпатий к «Русскому вестнику» и не предпочитал сотрудничество в нем сотрудничеству в других журналах.

Не лишне будет вспомнить о том, что в период своего сотрудничества в «Русском вестнике» Толстой 14 ноября 1865 г. писал С. А. Толстой: «Между мной и им (Катковским) столько же общего, сколько между вами и вашим водовозом»; а 23 марта 1877 г. писал Фету про «Русский вестник»: «Такой тонкий и мертвый редакция нет другой. Они мне ужасно опротивели за меня, а за других».

Н. ГУСЕВ

И. БУМЖИ

В. ШКЛОВСКИЙ

В ХАМОВНИКАХ

По дороге к Новодевичьему монастырю стоит сейчас большое здание Военной академии, украшенное тяжелым каменным танком.

Влево идет переулок, узкий, обставленный невеселыми и немолодыми домами, теснятся старые фабрики с высокими холмистыми трубами. Из деревянной резной изгороди виден небольшой двухэтажный дом. Дом обшит старым тесом, выкрашен коричневой краской. За домом сад, перед домом двор с флигелями на углах.

Войдите в дом. Пол передней покрыт сушеном.

Влево каморка, покрашенная желтой краской, надписи «керосин».

Мы попали в городской дом Льва Николаевича Толстого в Хамовниках.

В передней стоит тогдашняя новость — велосипед, подаренный Льву Николаевичу Толстому каким-то обществом, кажется, обществом любителей велосипедной езды.

Керосин хранится в углу как нечто опасное.

К месту, где хранится керосин, вероятно, относились, как к пороховому погребу. Вы попали в конец прошлого столетия.

Улицы города тогда были мопены булыжником. Они гремят так, как гремит железо о камень.

На немногих улицах были торпы. Там жили бедные люди.

Иногда по торпам еще набрасывали сапогу. Это значило, что в доме уживался ка-

кой-нибудь богат, или генерал, или человек, приторпоясанный богатством.

Они любили умирать тихо.

Конка ходила из центра города на дачу. Уже рубили сады и ставили плотно друг к другу каменные, по-тогдашнему высокие, четырехэтажные дома.

Телефонов у нас в домах еще не было, электрического освещения тоже не было. Только что появилась керосина, на него еще удивлялись, потому что недавно ввели крутую горелку.

На углах домов стоят газетчики. Газетчики продают газеты с богатскими лозунгами буквами на заглавиях и выпуски уголовных романов.

Рядом с газетчиками стоят старые люди в фуражках с красным околышем.

На околышах медная пластинка с надписью «посыльный».

«Посыльному» дают порученье отнести записку или вещь куда-нибудь далеко.

Мы задержались в передней Толстого. Из передней пройдем в столовую.

Столовая с небогатым фарфоровым сервизом на столе.

За столовой скромная спальня, две кровати за ширмой.

На кровати Льва Николаевича Толстого гауриное одеяло, связанное его женой.

На столе Льва Николаевича «Петербургская газета», с богатскими буквами, «Сын отечества», журнал «Ребус».

У окна маленький рабочий стол Софьи Андреевны.

Рядом спальня младшего сына, Ванечки. Ванечка умер маленьким.

Должен он был связать накрепко жизнь Льва Николаевича с Софьей Андреевной. Умер, и жизнь совсем расколосилась.

В комнате детская кровать, вещи маленького мальчика, скучные игрушки, тетрадь для рисования.

Остановленная жизнь.

На окошке очень маленькая клетка для чижики.

Здесь мог петь сверчок — сад рядом.

*

Во второй этаж ведет лестница с перилами, обитыми красной материей.

За большой передней гостиницей, небогатой обстановкой, длинный коридорный роль, на стенах знакомые керосиновые лампы с абажурами в виде матовых шаров.

Стол. На столе счета на крымское вино и фрукты. Вероятно, здесь ужинали, когда были большие вечера.

Стены оклеены старинными обоями.

Это зал.

Рядом гостиница. Уютно, очень много портретов. Отоманка покрыта поддельной турецкой тканью, над отоманкой длинное, очень узкое зеркало. Это комнаты Софьи Андреевны.

Если вернуться в переднюю, оклеенную обоями под мрамор, и из передней спуститься на несколько ступеней, то попадем в черной, узкий коридор. Его звали катакомбами.

Слева комнаты служащих. Тут жила экономка, портниха, камерлинер. Маленькие светлые комнаты, на каждого человека кровать.

У экономки и портнихи стол, на столе швейная машинка.

Чай пили они с краю.

У камерлинера кровать, стол, очень маленькая печка в углу, полотенце.

В самом углу дома две комнаты Льва Николаевича Толстого.

В первой умильнялки, верстак для работы сапожника, стульчак.

Вторая комната — угловая.

Очень удобная и простая клеенчатая мебель. Письменный стол, перед письменным столом венский стул с поздравными ножками. Около печки дубовая стойка вроде раскладного аналога, на тот случай, когда устанешь сидеть и можно работать стоя.

Очень низкий потолок. Четыре маленьких окна в сал.

Тихо и можно работать.

Это не комнаты культурной, но уже непонятной Софьи Андреевны. Это даже не комната начала нашего века. Это комната Льва Толстого.

В соседней комнате висит его туфли, стариковские галоши и зонтик с рукояткой, как у лоната.

Великая история России.

Про современную ему офицериство писал Лев Николаевич Толстой, что барьер старой военной доблести так высок, что под него теперь ползают.

О русской доблести, о том, что не морозы победили Наполеона, написала «Война и мир».

Левин, он же Левин, он же Лев Толстой, жил в своей усадьбе, совсем не богатой.

У него, Льва Николаевича Толстого, писателя, на душе неурно. Он знает, что у нас теперь все «неурно» и только «улыбается». То, что перерывилось, он знает. Это старый порядок.

То, что укладывается, это смутно.

Москва вокруг, керосин в углу, велосипед, провода над Ясной Полянью, автомобили с прямыми рулями, совершающие необыкновенный прогон по старому шоссе из Москвы в Петербург, банки, купоны изменяют жизнь.

Презде для Льва Николаевича история была неподходяща.

Так он хотел начать роман о Петре, с описания неизменного пейзажа России.

Лев Николаевич писал «Войну и мир».

Это книга о России, которая сумела отбиться от врагов.

Это книга о войне во имя мира и древней военной доблести.

Это книга противонаполеоновская.

Гоголь изображал Чичикова с наполеоновскими белыми кожей, с наполеоновскими круглыми подбородком; полимейстер, который служил в кампания 12-го года и лично видел Наполеона, так же как чиновник, которые Наполеона не видели, считали, что Чичиков на Наполеона похож.

Чичиков, как Наполеон у Толстого, чистоплотен и отбирается околонуем.

Наполеон враг Толстого.

Гоголь хотел бы поверить в Чичикова, в возможность его воскресения, он хотел бы поверить, что Чичиков способен к мечте. «Видно, так уж бывает на свете; видно, и Чичиковы на несколько минут жизни обрастают в поэтов; но слово «поэт» будет уж слишком».

Наполеон у Толстого лишен всякой поэтичности. Это толстый человек, на котором хорошо сидят брюки, который хорошо выбрит и плохо ездит на лошади.

Про Чичикова Толстой не думал, но чичиковская дорога, чичиковское счастье, которое по-иному называется счастьем мастера Пиквикиа, ему не пришлось по душе.

Молодость свою он прожил интересом, в молодости идеалом у него были не только люди, которые умеют хорошо кланяться и тапсовать, но и казак Брюшка.

«Азбука

гр. Л. Н. Толстого»

Вторая половина 1871 года и весь 1872 год в жизни Толстого прошли под знаком педагогических исканий. В Яснополянском доме организуется начальная школа на 35 детей; классы разместились и внизу — в обширной передней, и в маленькой столовой по лестнице, и в новом кабинете. Учат все — и сам Лев Николаевич, и Софья Андреевна, и 8-летний сын Сережа, и 7-летняя дочка Тая.

Наряду с этой практической деятельностью Лев Николаевич со свойственной ему энергией занимается осуществлением своего старого плана: составляет букварь по буквослагательному методу, который он считает более простым и легче усваиваемым, нежели общепринятый звуковой метод. Уже в записных книжках писателя за 1868 год находим наброски плана и некоторые другие материалы для этой работы.

Этот план начинает реализовываться только осенью 1871 года. Софья Андреевна пишет своей сестре Кузьминской в письме от 20 сентября 1871 года: «Мы теперь опять занялись детскими книжками. Левочка пишет, а я с Верой переписываю, идет очень хорошо».

В программу работы входят материалы литературные — оригинальные рассказы, переводы, передачи — и научные очерки по естественным наукам, астрономии, космографии. Для этого он читает массу научной-популярной литературы, беседует со специалистами, сам производит физические опыты, просматривает тонны карт для телескопом, наблюдая звездное небо. Научная былинный эпос, Лев Николаевич, делает свои разные песни и варианты, излагает их, как значится в примечании, «правильным русским стихом».

К марту 1872 г. «Азбука» вчерне кончена и слана в московскую типографию Руса с расчетом, чтобы книга вышла в свет к 30 мая, когда в Москве должна была открыться педагогическая выставка. Однако уже 3 мая Л. Н. пишет из Ясной: «Азбука моя печатается очень медленно и скверно, но я по своей привычке все равно и переделываю по двадцать раз». В письме к Фету он жалуется: «Азбука моя не дает мне покою для другого занятия».

Печатание у Руса действительно шло из рук вон плохо, и Л. Н. вынужден был 19 мая обратиться к Н. Н. Страхову с горячей просьбой передать работу в одну из петербургских типографий и взять печатание под свое наблюдение. На что тот, после некоторой переписки, ответил согласием. После долгих мытарств, к ноябрю 1872 года «Азбука» появилась в свет и вызвала разнообразную оценку на страницах периодической печати. По этому поводу Л. Н. писал: «Азбука не идет, и ее разбрали в Петербургских Вестниках. Это меня не интересует. Я так уверен, что я вовек памятник этой азбуке».

Первое издание «Азбуки», представляющее в настоящее время большую библиографическую редкость, состоит из четырех книг объемом от 160 до 230 страниц каждая. В архиве Толстого сохранился проект газетного объявления, составленный им

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

1. ВОПРОС, ОБРАЩЕННЫЙ К ДИРЕКЦИИ ГОСПЛИТЗАДА

Неужели вы, уважаемые товарищи, не любите поэзию Багрицкого? И нужно ли вам, людям просвещенным и, очевидно, преданным делу советской литературы, доказывать, что Эдуард Багрицкий был одним из самых замечательных наших поэтов, оказавших большое влияние на лучшую поэтическую молодежь? Послушайте, как свежо звучат голоса тех молодых поэтов, кто является его учениками, например голос К. Симонова. Почему же книга Багрицкого стала библиографической редкостью? Как это можно оказывать такое пренебрежение его прекрасной памяти, как можно с таким равнодушием относиться к поэту, чей стол... раскидывался, как страна.

Чьи-то холодные руки уже много лет перебирают гранки, сдают в набор, матрицуют и не дают выгнать поэта в свет. Ведь вы имеете дело не только с выдающимся мастером стиха, но с поэтом полновесным современным, революционным, с поэтом-мыслителем, атакующим старый мир, о котором он сказал, что

...Он выдвинулся из гушны кровей,
Матерый желтый быт земли,
Травы его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздан, киркой проколот!
Он выдвинулся над головой твоей —
Прими на рога ты и повали.

Вы имеете дело с поэтом, который еще мальчиком сумел найти столь нужные нам сейчас слова, когда новые цы-ряшки опять хотят вернуться в нашу страну.

Помню, мы поехали с Эдуардом в Белоруссию. В Минске он узнал, что здесь течет река Немна (сейчас она закована в трубу). Багрицкий заинтересовался этим маленьким притоком маленькой Свислочи. Мы долго стояли у низких ее берегов, на которых происходили некогда большие бои, описанные в творении русского гения, в «Слове о полку Игореве».

На берегах Немны — было это осенью 1927 года — вспоминали мы юношеские стихи Эдуарда.

Как можно забыть поэта, чей голос был уже значительным в годы отрочества и который неустанно развивался и креп, оставаясь вечно молодым? О Багрицком можно сказать, что он был выделен в молодежь. Он склонял свою голову перед молодостью, как принято склонять ее перед старостью. Тяжелой болью и преждевременно одряхлевший, он всегда воспевал силу и веселье юности. Это была взаимная любовь. Больше всех остальных современных поэтов молодежь любила и любит Маяковского и Багрицкого. Среди молодых Эдуард забывая про свою асму, про отжившее свое, от вынужденной постельной жизни, тело, он и внешне становился гибче и легче, и звонче звучал его богатый, мужественный, напевный голос революционного баяна. Он затевал поэтические споры с юношами, чтобы доказать, что возраст — это, в сущности, ничто, не более, как условность, придаток педантичного паспортиста и что он так же молод, как самые молодые в нашей стране. Как хорошо, как верно, синтетически увидел он своего читателя:

...Вот скачет по равнине,
Ловальный собой,
Молодой гитрограф —
Читатель мой.

Как я, он любопытен:
В траве степной
Выслеживает тропы
Зверей и змей.

Сколько нападок выдержал Эдуард Багрицкий со стороны юных и пожилых формалистов! Они приставали к нему с асоанансами, перебивали ритмами и прочим, Эдуард хрипел и отбивался и писал «Думу про Опанаса», поэму действительно народную. Что вызвало к жизни это прекрасное произведение? Знание украинского народа, любовь к его бандуристам, которых он много перевел и слышал в селах и на базарах, увлечение поэзией Шевченко, которого он выбрал вместе с Пушкиным в свои учителя, желание отдать свою жизнь социализму, как это сделал его герой Иосиф Котляк, любовь к легендарной воинственной жизни Котовского, на которого он и в быту своем старался походить. Ни капли стилизаторства не было в этой «Думе», в этой чудесной поэме, которую хочется назвать былинной двадцатого века. Эдуард и внешне был похож на бандуриста, когда читал ее. Вот он сидит, повернув ноги и полукривя глаза, и вдохновенный его голос начинает прекрасную историю:

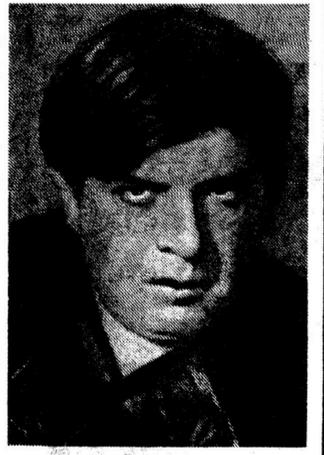
По откосам виноградник
Хлопочет листовой,
Где бежит Пянько из Балты
Дорогой степною.

Как šťastливо найдено это неожиданное сочетание хорей с акробахом! Не разлившего украинского асала он и нашел; музыка украинского народа, плавность и пластичность украинской речи в этом сочетании. Багрицкий любил этот искусный размер, коротко передающий народную речь.

2. УЧИТЕЛЬ ПОЭЗИИ

Он был не только прекрасным поэтом, он был еще учителем поэзии, привившим молодежи — да и не одной молодежи — хороший, безупречный вкус. В том же Минске одиннадцатилетним Багрицкий выступал в саду Профитерия с лекцией о поэзии. В зале собралось очень мало людей. Типогра-

фия выдала афишу за 20 минут до начала вечера. Устроитель разнес эти афиши по магазинам, но те уже закрылись, и продавцы спрятали их под прилавки. Все же было продано около двухсот билетов. Эдуард читал стихи Блока, Брюсова, Анненского, Маяковского и других. Голос его звучал великолепно. Зал слушал его с удивлением — уж очень не был похож на обычного гастролера этот крупный седоволосый молодой человек с орлиным носом и чубом, закрывшим ему левый глаз. Видно, по саду прошел слух о нем, — так как в конце лекции огромный зал наполнился до отказа. Появились посетители с велосипедами, какие-то ресторанные посетители с недоеденными бутербродами, лодочники в подвернутых до колен синих штанах, ночной сторож в кожухе. Видя ли кто-нибудь из них знал тогда имя Багрицкого, по все слушали с замечательным уважением. Люди чутьем почувствовали поэзию, узнали поэта. С вдохновенным жаром прочел Эдуард прекрасную поэму «Думу про Опанаса», вдохновенно читал чужие стихи, так как он любил поэзию, а не себя в поэзии, как многие из наших сочинителей. Давно кончился вечер, а Багрицкий ходил по темным аллеям, окруженный толпой поклонников. Он сразу нашел среди них рыбовода из Дельцевщины и жадно слушал его рассказ об огромных — на десятки километров — водопадах, об озерах и реках, где водятся и судак, и лещ, и щука, и сом, и сиб. Багрицкий читал им Баратынского, Язкова, Пушкина, Лермонтова, Веневитинова, Державина, Тютчева, Фета, Случевского, Карлыну Павлову, Чистого по-немецки Гейне, затем Франсуа Вий-

Э. Багрицкий

она, Бернс, Соути, Вальтер Скотта, Байрона, Шелли, Верлена. Он читал наизусть целые книги стихов, ничуть не отставая, выставляя вперед левую руку, большую, костистую и грубую, как у шахтера. Он наслаждался вниманием своих слушателей точно так же, как они наслаждались его чтением. В кучке собравшихся были русские студенты, учившиеся на каких-то литературных курсах, и они изумленно признавались, что слышат многих замечательных русских поэтов впервые. Где-то им усердно прививали дурной ограниченный вкус, и Багрицкий тут же на месте и проверил их вкус и направил его.

Люди стали приходить к нему в гости к нему и на квартиру заведующего палатой мер и весов, где потом поселился Багрицкий. Он отговаривал и мучился, обнаруживая в собеседнике плохой вкус, горячился, доказывал, а главное читал, читал — это было лучшим способом очистить засоренные головы. Его влияние было чудодейственным, его просветительская деятельность, «на-ходу» была просто замечательной. Каждая комната, где он жил, — в Кунцево, Одессе или в Москве, либо же в Минске, Иваново, Николаеве, — каждая такая комната быстро превращалась и в широкую поэтическую мастерскую и в мастерскую хорошего вкуса. Она была и училищем поэзии, где учились не только юнцы, но и бороздчи, не только стандартные графоманские стиховики. Проводящим в этой странной перенете бывал обычно дореволюционный графоман Косовский (собственный типограф!) несколько томов рифмованной безграмотной беллиберды. Разумеется, попадало и современникам, тем из них, кто позволял себе писать такие строки, как «стальные комсомольские люди» или «кому милы девичьи губы, а мне — завоевские губы». Стихотворная кустакера обычно называлась у него «О, волки, зачем вы грызете, что зубчики острые у вас?». Такая строка была у вышеупомянутого Косовского. Прозаическая же кустакера обычно ставилась под вывеской: «Теребневалю». Это были паноптикум всего лагерного, вульгарного, паноптикум грубых, беспомощных выражений.

3. ОДЕССА, КУНЦЕВО, МОСКВА

Я недавно обошел почти все места, где он жил. Лермонтовский переулок в Одессе. В ту пору было здесь заштукатурено, сейчас рядом с домом, где жил в подвале Багрицкий, расположился величественный курорт. Пали ограды, в один роскошный парк соединились частные сады и тополиные аллеи, скалы террасированы, и в заросших некогда бурьяном оврагах я увидел новый бульвар. В подвале на Лермонтовском Эдуард писал «Улешнигила», «Летучего голландца», «Большевиков». Он тогда еще не был свободен от книжности, вдохновение диктовалось ему в ту пору еще не жизнью, а чужими сказаниями и поэмами. Он еще — ученик романтиков и амеистов, правда, ученик исключительный, со своим гонимым, со своим видением мира. В мире этом все полно ярких красок и мощных звуков. Он любит все преувеличенно-страстное, громовое, каждое явление для него — гипербола. Не случайно у него «сплет пенька, и доски стонут, цепи лязгают и слышат пена». Багри-

цкий ощущает время революции как героическое, он способен видеть и отмечать только огромное, широкое, не понимая, что и в малом можно увидеть нечто очень большое. Его герои и их поступки, традиционно-романтичны, однако, нет в них худости. Но способ выражения у Багрицкого свой. Ни красноречия, ни высокопарности нет в его словах, когда он говорит:

...И кажется,
Что впереди — вали,
Привязанное натуго к вагонам,
Скрежетом наше сердце и летит
По скользким рельсам,
Грохоча и вой,
Чугунное и звонкое,
Насквозь
Проеленное копотью и дымом,
—
Сшит насосами
И сыплет искры,
И дымом истекает небывалым.

Это живописная поверхность, здесь нет еще той глубины, которой отличаются последующие его произведения. Еще увлекается он грохотом слов, его мир скорее символический, чем реальный. Поэт — в пути. Он идет в жизнь, но еще не пришел.

Дом на Молдаванке, Дальничная, № 3. Сюда ходили к нему рабочие-поэты, сюда уже ходили охотники, да и охотничий рынок был рядом, на Михайловской площади. Сейчас там разбит парк, место трудно узнать, оно похоронено. На Дальничной он написал свою прелесть «Балладу об арбузе», «Голубей», много пейзажных стихов, стихи о Пушкине, о Москве и Петербурге, еще не написанные, в том числе посвященные памяти Блока, и другие. Поэт прощался с книжностью, он пришел в жизнь. Он ходит читать лекции на Джугославский завод, где его и сейчас хорошо помнят. Сейчас рядом с Джугославским заводом находится известный всему миру Институт селекции, возглавляемый академиком Лысенко. Как интересно было бы Эдуарду узнать об этом! Он преподавал перед трудом агрономов, зоологов, биологов, он называл их победителями. Позднее он напишет научный трактат в стихах «Сурпинус Сагрю», где покажет рождение рыбы (рождение, руководимое человеком) с силой порою чудодейственной.

На Дальничной помнит Багрицкого. Когда я пришел посмотреть знакомые места, люди вышли навстречу, стали интересоваться, кто мне здесь нужен. Я сказал, что хочу вспомнить, в какой именно комнате жил Багрицкий?

— Вот, — показали мне.
— А вы знаете, кто был Багрицкий?
— Ну, как же, — ответили мне малые и старые, — известный поэт.

Имениless Молдаванка, похоронена. Нет уже этих обитателей, которых он описал с такой жестокой силой:

Любовь?
Не сдвинутые вами косы:
Ключика, выпирающая косо:
Прыжки; обмазанные селедкой рот,
Да шея лодочный поворот.

Вещи, написанные им на Дальничной, хорошие, яркие произведения, но он еще не тот Багрицкий, которого так горячо полюбит читатель, который станет выдающимся революционным поэтом. Кунцево — вот его место, где он написал свои лучшие вещи — «Думу» и «ТВС», и «Происхождение», и «Контрабандистов», и «Весну». В этом доме с маленьким садом он снял комнату у железнодорожника. У хозяйки была дочь Валя, пионерка. Она и является героиней его поэмы «Смерть пионерки». Багрицкий описывает драматическую сцену смерти юной Валя. Как много смысла в этих словах:

Не протрився ж, Валенька,
Он тебя не сест,
Золотеный, маленький,
Твой крестильный крест.

Он научился владеть словом в совершенстве. «И слово, с которым мы боролась всю жизнь, оно теперь подвластно нашей руке». Сказано мало, а мы видим и плачущую мать и пионерку, в предсмертный час отстраняющую крестик, мы видим, как столкнувшись в одной комнате, в одной маленькой семье два мира, как новое время встает в этой комнате во весь свой рост. Смерть трагична, она не «обызрана» у него, нет в его победе жизни над смертью той фальши, которая затопила вершии иных стихотворцев. Когда отряд запевает песню и идут

...Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуны,
Пионеры фабрики Ногина,
видишь полинное торжество жизни над смертью, это не оптимизм схоласта, это оптимизм Пушкина:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И каждая маленькая вещь, написанная Багрицким в Кунцево и в Москве, в Прозеис Улуждественного театра, приобретает эпический характер. В своих истинно-реалистических поэмах последнего периода, полных прекрасных подробностей, Багрицкий ходит до высоких философских обобщений. Форма его стихов укреплена, уже нет в ней прежней тяжеловесности, громоздкости, она стала прозрачно-легкой; слово, с которым он боролся всю жизнь, теперь подвластно его руке.

Мы еще в ту пору ничего не знали о Николае Островском, ни о замечательной его жизни, ни о его замечательной книге. Но разве не могли бы стать эпиграфом к книге Островского, эпиграфом к его жизни вот эти строки Багрицкого:

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На критический лед.
Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.
Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.
Возникая, содружество
Ворона с бойцом —
Укреплялся мужество
Сталью и свином.
Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взмола.

Нет, люди революции, люди эпохи социализма никогда не забудут такого поэта. Он говорил их голосом. Он мечтал их мечтаниями. Багрицкий — прекрасный сын революции.

«Стимпольская пещера»
«Харчевня в Шпессарте»
«Наименов сердца»
В Госплитзаде выходит книга сказок В. Гауфа с иллюстрациями В. Ефимов.

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Шутники из Учпедгиза

Учпедгиз с благословения и даже официального утверждения Наркомпроса РСФСР обогатил нас ныне пособием для руководителей литературных кружков и библиотечек, в котором литература рассматривается с новой, оригинальной точки зрения. Этот объемный труд в 213 нумерованных страниц издан тиражом в 15.000 экземпляров на приличной бумаге, в синем коленчатом переплете с золотым тиснением. Называется он «Литературные игры».

Игр в нем много — целых 70 штук. Изобретательности и разнообразия проявил составитель сборника масса. Здесь есть и оригинальное «Цепное буриме» и игра под названием «Ловить рифму», и более скромные «Списки омонимов», «Литературные шарлады», «Литературные викторины» и т. д. и т. п.

Есть вещи сравнительно невинные — сначала, например, предлагаются слушателю — участникам игры — догадаться о принадлежности отгаданного отрывка перу того или иного писателя, ответить, кто написал «Не переводя дыхания» или быстро произнести трудную скороговорку. Но эти сравнительно поцелушные виды литературных «развлечений», давно бывшие всем оскомину, скоро предается В. А. Мануйлову, и он пускается в дебри собственного изобретательства. Невняные «викторинные» вопросы начинают углубляться и детализироваться.

«Кто из героев Пушкина, — спрашивает составитель, — в решительную минуту ответил словами поперского лозунга?»

«Была ли у Евгения Онегина собственная карета?»

«Кто из литературных героев в начале XIX в. переносил грипп на ногах?»

Разнообразия и углубления литературные игры, автор переходит к еще более «сложным» видам литературных упражнений. В предлагаемой им игре «Что за чем?» (литературное домино) рекомендуется разрезать «Колыску» Гоголя на 15 кусков, перемешать их и затем заставить играющих восстановить последовательность гоголевского текста. Для того, чтобы дело велось без обмана, на обороте каждого куска ставится порядковый номер, по которому игроки будут контролировать друг друга и самих себя. За ошибки записываются штрафные очки. По авторитетному заявлению составителя, подобная тренировка «освежает в памяти сюжеты» и «обращает

внимание на композицию». Операцию, подобную вышеназванной, рекомендуется произвести и с «Дубровским» и с другими литературными произведениями.

Решительно разрезаются на куски портреты русских, а равно и иностранных классиков, сваливаются в общую кучу, а затем играющие, выуживая из нее руб с посом автора «Дон Кихота» или трубочки с банками Гончарова, соединяют их вместе под всеобщие радостные крики.

Рисуют бороду и шевиюру Алексея Константиновича Толстого и предлагают, пририсовав к ней лицо, тем самым доказать, что борода поэта играющими узнава. К украинской папаше и обвисшим усам тоже надо добавить лицо и получить таким образом портрет Шевченко. К песне и бороде — губы, нос и глаза Чехова.

Затем уже идут совершенно сносительные литературные головоломки, литературные ребусы, литературные арифмограммы, литературные шифрограммы, полные имен великих русских и иностранных писателей, цитаты из них, даты смертей и рождений, одежды и привычки героев. Для справедливости следует отметить, что изредка в игру включаются и современные. В одной из викторин каверзный вопрос — «Кто написал «Разлом» и кто «В разлом?» — ехидно обличает в неадекватно эрудированном участнике игры дурное знакомство с творчеством Ляшко и Давренева.

Дальше уже идут «палиндромы», «серевертинги», литературные кроссворды всех систем и наконец последний раздел сборника под замечательным названием «Творческие игры». Этот раздел составитель усердно рекомендует как особо захватывающий для полуголовных школьников. Первое из упражнений идет под игривым названием «Каждый — писатель» (что должно обозначать, очевидно «Каждый сам себе писатель»). Здесь составитель рекомендует отвлечься на творческую работу, требующую не только солидной эрудиции, но и решительности, мы бы сказали, Хлестакова, в соединении, если так можно выразиться, с широтой Ноздрова. Рекомендуется ни больше ни меньше, как «продолжать» известные произведения классиков. В качестве блестящего примера Мануйлов рассказывает о поучительном случае со школьником Сергеем Петровым, которому удалось написать эпизод к «Анне Карениной». Мануйлов очень

высоко расценивает тонкое воспроизведение манеры Л. Толстого и приводит обильные цитаты, свидетельствующие об имитационных способностях Сергея.

И в самом деле, — вот цитаты: «— Позвать Сергея Александровича! — приказал Каренин вошедшему из звонка камердинеру. Каренин был бледен, губы его тряслись. Он делал усилие казаться (если не быть) спокойным...»

«...Сергея ничего не подозревал: — Вы меня звали, папа? — Звал, Сережа. Я хотел с тобою поговорить. Сидь...»

«...Ясная звездная летняя ночь была хороша и прохладна. Поезд мчался среди полей, окутанный тихим таинственным мраком. Воздух благоухал приятным ароматом невидимых цветов.

Действительно, ничего не скажешь, — прямо Лен Николаевич Толстой.

Однако шутки в сторону. Перед нами не сборник пародий, а книга, которую составил взрослый, возможно даже бородастый мужчина, с серьезными намерениями. В предисловии он выносит благодарность наименее протаканам — А. С. Дегюжской и Т. В. Чирковской, которые «проверили» игры Мануйлова на живом материале. Соблюдая академический декорум, он глубоко благодарит также некоего А. С. Троицкого (вероятно, бывшего педагога) за «методические указания» и все это вполне серьезно.

Наркомпрос до недавнего времени владел в голове педагогов и учащихся унылые и вульгарные методологические схемы. Теперь, после разоблачения вульгарной социологии, педологии и других псевдо-наук, в чиновничьих наркомпросовских канцеляриях решено «освежить» преподавание литературы посредством книжожи Мануйлова. Худший «кошты», который он заимствовал у авторов «политучечек» и «политбюро», сурово осужденных партий. Мануйлов дополнил собственным изобретательством. В результате получалась отвратительная профанация великих творений литературы, безграмотное пособие, способное только породить новые кадры шпарталышников, халтурщиков и графоманов. Страния Мануйлова должна быть немедленно изъята из обращения. С существованием и ходением этой книги не может примириться ни один честный человек, искренне любящий литературу и желающий блага советским школьникам.

Проф. ГЕНРИХ НЕЙГАУЗ

СОВЕТСКИЕ ДИРИЖЕРЫ

Сила советского искусства прежде всего и том, что оно создает новые художественные традиции. Умение глубоко проникнуть в дух и характер произведения, реалистическая трактовка, совершенство технического мастерства — вот что помогает советским исполнителям побеждать на международных состязаниях. Так формируются замечательные советские школы пианистов, скрипачей.

Нам нужно создать такую же школу советских дирижеров. Создать заново. В дирижерском искусстве дореволюционной России были известны лишь немногие, хотя порой и очень крупные имена (например Балакирев, Антон и Николай Рубинштейны, Наваринский, Сафонов, Сук и др.).

Музыкальная Россия жила в ту пору главным образом дирижерским «ампортом» с Запада. Вспомним, что даже в более близкие нам времена неуживчивый дирижерский талант Николая Рубинштейна мог проявиться только тогда, когда братья Рубинштейны, затратив огромный труд, создали Русское музыкальное общество и первые постоянные симфонические оркестры в Петербурге и в Москве.

Дореволюционные русские оркестры считались единицами. Этим, естественно, определялся и ничтожный спрос на дирижеров. Недаром Римский-Корсаков еще в 90-х годах прошлого столетия писал: «Дирижеров развелось так много, что скоро их будет больше, чем оркестровых исполнителей».

Однако дело было не только в том, что в пульту танулись люди «без знания и без заслуг». Гораздо важнее, что даже для талантливых дирижеров явно не хватало оркестров.

Сейчас в нашей стране около шестидесяти крупных государственных симфонических оркестров. Никакая статистика не может угадать за ростом самостоятельных симфонических кружков. Оркестр московского Дома ученых, в котором играют маститые академики, профессора, молодые ученые, уже достиг художественной зрелости и в этом сезоне будет полноправно участвовать в концертах филармонии. В Кисловодске оркестр, составленный в значительной мере из самостоятельных музыкантов, стал серьезным профессиональным коллективом, обслуживающим курортную аудиторию.

Что главное в работе дирижера? Умение творчески прочесть партитуру.

Мне вспоминается одна оркестровая репетиция Отто Клемперера. Когда этот замечательный дирижер показывал, как надо исполнять Бетховена, один из слушателей, сидевших по партитуре за репетицией, тщательно отмечал каждое замечание Клемперера.

— Зачем вы это делаете? — удивился Клемперер. — Ведь все это уже написано в нотах...

Это — яркий пример того, как дирижер сознательно подчиняет себя композитору, чтобы правильно передать его мысль, запечатленную в партитуре.

Никогда нельзя забывать обычного соотношения сил. Исполнитель Баха, Моцарта, Бетховена, Чайковского должен помнить о той огромной дистанции, которая почти всегда отделяет его от этих гениев. И величайшее искусство дирижера, как, впрочем, и всякого исполнителя, заключается прежде всего в верной, бережной передаче произведения.

Не надо, конечно, воспринимать все это как призыв к мертвой схоластике, к механическому воспроизведению партитуры. Творческая индивидуальность дирижера может ему сохранить трепетную, вечно новую жизнь произведения, которой так часто угрожают привычные традиции, исполнительские каноны — формально «академические», но выходящие по существу.

Гениальный Артуро Тосканини, репетируя однажды с первоклассным оркестром траурный марш из «Гибель богов» Вагнера, три часа держал оркестр, который отличался от остальных. Музыкалисты нервничали. Но когда наконец раздались звуки трагического марша, звуки необычайной правды и силы, — взволнованный оркестр устроил овацию неумолимо маэстро.

Тосканини добивался огромных художественных результатов путем упорной, почти кропотливой работы, притом только с первоклассным оркестром. Иного он не признавал.

Любые — самые различные — творческие методы дирижерской работы оправданы, если они способны вывить в гениальном произведении подлинную, вечно новую жизнь.

Эта задача иногда облегчается, если за дирижерский пульт становится сам композитор. Не случайно лучшими исполнителями своих произведений были такие гиганты музыки, как Бетховен, Берлиоз, Вагнер, Лист, Балакирев, Танеев. Как жаль, что эта прекрасная «дирижерская» традиция почти забыта советскими композиторами. Почему так редко дирижирует Сергей Прокофьев и вовсе не появляется у дирижерского пюльта Дмитрий Шостакович? Нашим композиторам, обладающим исполнительским даром, стоило бы взять в руки дирижерскую палочку.

Конкурс молодых советских дирижеров, многие из которых хорошо знакомы нашему слушателю.

Это — Мравинский, Аносов, Рахлин, Иванов, Худой, Великанов и др. Некоторые из них не только дирижеры, но и опытные оркестровые музыканты. Например, Натан Рахлин владеет многими духовными и струнными инструментами. В воспитании советского дирижера это практическое знание оркестровых инструментов должно получить широкое развитие. До того, как в прошлом столетии палочка стала знаком дирижерской «власти», дирижерами обычно были лучшие исполнители из ведущих инструментов эпохи: органисты, пианисты, скрипачи. Сам Гектор Берлиоз был замечательным дирижером, в частности, и потому, что знал все «тайны» каждого инструмента.

Первый конкурс дирижеров еще не разрешает задачи создания дирижерских кадров для театров музыкальной драмы. А этот вопрос давно назрел. Дольше не потеряй еще силы слова Чайковского о «малыхалышках» вместо дирижеров, которых он так боялся при постановке «Евгения Онегина». Воспитать новый тип советского дирижера — художественного руководителя музыкального спектакля — сложная, но почетная задача.

Конкурс поможет нам обнаружить новые таланты.

Рисунок Э. Багрицкого

1828 г. Первые отзывы критики о Лье Толстом

Сто десять лет назад, 9 сентября 1828 г., родился Л. Н. Толстой. Двадцать четыре лет он впервые выступил в печати с повестью «Детство».

Первый критический отзыв о повести появился в десятой книге «Отечественных записок». Критик (повидимому С. С. Дудинский, — статья была без подписи) писал: «Давно не случалось нам читать произведения, более прочувствованного, более благородно написанного, более проникнутого симпатией к тем явлениям действительности, за изображение которых выдвинулся автор».

Кроме того отзывы о «Детстве» появились в «Москвитяине» (№ 19), где в статье Б. Алмазова повесть названа «прекрасной», и в «Пантеоне» (№ 10).

Толстой в это время жил на Кавказе. В половине ноября он поехал с товарищами на охоту в степи Паравотскую и Шелкозаводскую. Там он случайно нашел номер «Отечественных записок» с хвалебной статьей о его повести.

Но ранее отзывы о Толстом-писателе, еще в 1845 — 1846 гг., появились отзывы о нем, как об актере-любителе. Толстой, в ту пору студент Казанского университета, принимал деятельное участие в любительских спектаклях, устраиваемых светской молодежью с благотворительной целью.

В апреле 1846 г. Толстой принимал участие в живых картинах, устроенных в актовом зале Казанского университета в пользу двух бедных учениц местного Родионово-го института.

25 лет назад, 7 сентября 1913 г., в газете «Русское слово» начала печататься повесть М. Горького «Детство».

Письмо в редакцию Создать музей Герцена

В апреле прошлого года наша страна отмечала 125-летие со дня рождения Александра Ивановича Герцена.

Литературное наследство Герцена требует особого тщательного изучения. На значительных публицистических произведениях его советские журналисты, советские писатели могут учиться публицистическому искусству.

Совершенно своевременно поставить вопрос об организации научно-исследовательского учреждения, которое займалось бы собиранием, обработкой и хранением литературного наследия Герцена.

Второй вариант — дом-музей отца Герцена — Н. А. Яковлева в с. Покровское-Засекино Эвенгородского района Московской области.

В Покровское часто приезжали Ленинский, Грановский, Шенгин и другие представители демократической интеллигенции 40-х годов.

Работники литературы, науки и искусства безусловно поддержат мысль об организации музея Герцена.

Литературная газета № 50

В ДЕРЕВНЕ, У ЧИТАТЕЛЕЙ

С. ГРИГОРЬЕВ

оказалась библиотека из 6 тысяч книг с тысячами постоянных читателей. В счастливое Ильянское — не исключение в Куровском районе, который располагает тридцатипяти тысячным библиотечным фондом.

Конференция открылась в клубе. В зале были нумерованные места, всего на 300 человек. Приблизительно сто пятидесяти человек разместились в проходах.

Сильные электрические лампы висели под потолком. На сцене, за кулисами, стоял концертный рояль. В зале сидели мужчины с бранными лицами и в галстуках. Женщины были по-городскому наряжены.

Самая что ни на есть деревенская обстановка, — сказал Алексей Толстой. Доклад о «Хлебе» сделал заведующий районным отделом народного образования Т. Раблев.

Мне очень понравился Иван Гора. Он хорошо охранял родину. Давайте и мы будем так охранять наши поля от всякой порчи! Это из речи Марии Алексеевны Исаякиной.

Затем выступили читатели «Хлеба». Выступила: пожилая колхозница Мария Алексеевна Исаякина, учительница Киселева, колхозник Сергей Андреевич Булочников, председатель сельского совета

Кручинин, себодоборный колхозник Михаил Григорьевич Стрельнов, молодая лаборантка хмельзавода Григорьева.

Они говорили о «Хлебе» и о хлебушке, завоеванном навеки. Они говорили о защите Парниша и об уходе за картофелем. О том, удалось ли писателю образ крестьянской женщины, и о том, как счастливо повернулась судьба ильинской колхозницы вдовы Акулины Ивановны Ильиной, о «ядовитой доле» этой крестьянки, чей сын учится в вузе.

Читатели говорили о себе, о своих деревенских делах и о большевистской стратегии, стратегии Ленина — Сталина в бою за революцию.

300 абонентов ильинской библиотеки читали «Хлеб» индивидуально, и 600 человек, для которых книг хватало, участвовали в коллективных чтениях повести. Это характеризует Ильянское — глухой деревенский угол. Это характеризует и книгу — ее успех.

О еще более значительных, чем эти пиффы, — те мысли и чувства, которые вызваны «Хлебом». Вот пример простой, глубокой и неопровержимой логики: — Мне очень понравился Иван Гора.

Колхозники говорили о социалистической родине и своей готовности ее защищать. В речах читателей «Хлеба» была взволнованная гордость своей родиной, истинный патриотизм, любовь к большевистской партии, любовь к Сталину.

После читателей выступил автор. Ему долго и горячо аплодировали. Алексей Николаевич говорил об ответственности со-

ветского писателя, который пишет для 60 миллионов читателей, граждан социалистической страны, — нигде и никогда невиданная аудитория! 60 миллионов читателей — это огромная творческая сила, с которой обязаны считаться писатели и издатели.

Так, совершенно уместно, этот якобы «узковедомственный» вопрос о плане Госиздата был поставлен перед читателями из Ильянского. Пусть Госиздат последует примеру писателя — поговорит о книгах с читателями, — и тогда ему станут ясны запросы шестидесяти миллионов армии «спотребителей» книги.

Конференция длилась несколько часов. А. Толстой прочитал три картины на своей новой пьесе «Поход 14 держав». Их слушали очень внимательно, с интересом и увлечением.

Еще только один эпизод хочется отметить. Когда конференция уже заканчивалась, писатели познакомили с доктором сельскохозяйственных наук А. Г. Лорхом. Этот ученый пользуется большой популярностью в районе.

Еще только один эпизод хочется отметить. Когда конференция уже заканчивалась, писатели познакомили с доктором сельскохозяйственных наук А. Г. Лорхом. Этот ученый пользуется большой популярностью в районе.

Вот что иногда случается в «глухом» деревенском углу.

В мире книг

Цена старой книги

Книгопечатание в России началось только со второй половины XVI в., да и то «друкерская хитрость» первое время выпускались очень немногие книги.

Цены на рукописные книги очень различны в зависимости от того, как книга написана, на чем, сколько листов, есть ли украшения, миниатюры.

Сведений о ценах на книги сохранилось много. Самое старое относится приблизительно к 1266 г., когда Владимир Васильевич купил небольшую книжку — молитвенник на пергаменте и заплатил за нее 6 гривен кун.

Возьмем для начала самую старую из приведенных нами книг, купленную за 8 гривен кун. В этот же год, когда куплен этот молитвенник, было куплено село за 50 гривен кун.

Разберем другую запись. В 1514 г. был продан пролог за 400 псковских денег. Почти в это же время (1495 г.) в Псковской земле, при хорошем, хотя и не повсеместном урожае, покупали четверть (9 п., или 1 1/2 п.) ячменя по 5 денег, а возницу (30 п., или 6 п.) овса по 10 денег.

Как раз почти в эти же годы, подьячий Микитин купил в 1567 г. евангелие за 40 алтын (1 р. 20 к.), а Богдан Мелентьев да Андрей Васильев заплатили в 1580 г. за евангелие в очень хорошем переплете, с заставками и миниатюрами целых три рубля.

Подсчитайте сами, сколько можно было бы за эти деньги купить, — 3 р. и 1 п. 20 к. — купить кур, яиц, масла, коров, овец и т. д.

Последний пример: в одной из толковых псалтырей есть запись: «Се аз Семен Сидоров сын Борхавен фелоготини продал сию иезуитскую книгу Фелоготину, а взял рубль денег, а писал Семен своей рукой». Пролана книга в 1569 г., а в 1576 г. Комельский монастырь при монастырских харчах платил иезуитам мастера такую «арилату»: сапожному мастеру — 90 к., плотнику — 1 р. 10 к. и пивцу — 1 р. 05 к. в год.

Были, конечно, и «удешевленные палаты» — абзукы, учебные псалтыри, колодные богослужебные книги и т. п., но в общем, почти до конца XVI в. рукописная книга была дорога. Она редко начала дешеветь в XVII в. и одно время конкурировала по цене с печатной.

В. САМОЙЛОВ

«Трипольская трагедия»

Издательство «Молодая гвардия» выпускает новую книгу В. Шмерлинга — «Трипольская трагедия». Книга эта воскрешает героические страницы борьбы киевских комсомольцев и гибель их при защите советской Украины от австро-германских захватчиков.

«Трипольская трагедия» — это очерки о киевских событиях периода 1917—1920 гг., о зарождении киевского комсомола и борьбе комсомольцев, которые во времена хозяйничанья на Украине петлюровцев, немцев, денкивцев и т. д. непрерывно вели в подполье энергичную борьбу за советскую власть.

В Шмерлинга описывает историю похода ста лучших комсомольцев Киева, доблестно отразившихся вместе с Красной Армией на бой с врагом-бандитом.

Книга выйдет из печати к 20-летию комсомола.

Книга о Вахтангове

В конце 1938 года издательство «Искусство» выпускает из печати книгу «Вахтангов». Составил книгу И. Вахтангова, И. Вендровская и В. Захаров. Вступиле написаны Б. Захаров и И. Антокольским.

Материалом для книги послужили личный архив Вахтангова, документы, собранные в музее при театре его имени и хранящиеся у друзей, учеников и учителей покойного режиссера.

Главы в книге расположены в хронологическом и тематическом порядке и отражают основные этапы жизни и творчества режиссера.

Первая часть книги рассказывает о периоде с 1910 по 1914 год — поездка Вахтангова с Сулержицким в Париж, вступление его в труппу Художественного театра, первая постановка в Мхатовской студии и зарождение студии под его руководством.

Во второй части (с 1914 по 1917 г.) отражены работы уже артельного, законченного мастера, ярко проявившего свое творческое индивидуальность.

Третья часть книги (1918—1920 гг.) посвящена новому Вахтангову, ставшему в ряды борцов за социалистическое искусство. Четвертая часть посвящена последним годам жизни Вахтангова (1920—1922 гг.) — наиболее плодотворному времени по работе режиссера, поставившего за эти годы «Принцессу Турнадот», «Зрима XIV», «Чудотворца св. Антония» и чеховский водеvil «Свадьба».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ, КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

«Профессор Мамлок»

Жил в 1933 году в Берлине профессор Мамлок, большой ученый, хирург. Он был верен науке и не хотел ничего слышать о политике. Его отгораживало даже возмущало то, что его любимым сын Ролф связан с коммунистами, с рабочими и борется против фашистов.

Он величественен, Мамлок, в своих трудах и наивен в своих размышлениях. Он отгораживал себя от обеих враждующих сторон, уверенный, что все это не имеет к нему никакого отношения. Он любит Германию, он дрался за нее под Верденом. Межвинский хорошо показывает и величественность этого ученого и его трагическую наивность.

Не забудется его внешность, — это благообразный человек, хорошей семинки, он очень спокоен, и видишь, как он любит свое дело, когда Мамлок-Межвинский входит в операционную. Да, верно, что у него искусные руки и светлая голова. В медленной походке, в плановом его голосе, в величавых жестках угадывается сильный характер. Поневолу думаешь, что в грозные для него дни он проявит свою прямоту, свою принципиальность, он проявит свой особый характер. И то, что так думаешь, очень хорошо для Межвинского, потому что он с самого начала нащупал первый тон. Может показаться, что Межвинский одолевает. Что касается автора этой заметки, то он увидел ее однообразие, а скудность. В этой скудности — сила художника.

На экране — отражение недавних событий. Фашистские провокаторы подожгли рейхстаг, они избивают и арестовывают передовых рабочих, интеллигенцию. Мамлока отстраняют от его любимого дела только потому, что он — еврей. Его наивные убеждения испытывают первый удар, они близки к краху. Мамлок все еще не верит, он надеется победить фашистов в одиночку. Его сопротивление фашизму прекрасно, но оно неуживо-трагично, потому что он — один перед сильным врагом. И одиночество усиливает и прекрасное сопротивление, и трагичность Межвинский. Перед нами — герой, уже хочется нам протянуть ему руку, мы верим, что ярость его не оставит его на полпути. Величественное лицо Межвин-

ского-Мамлока озаряется жесткой иронией, затем ненавистью. Актер искусен в этих переходах, и вообще хочется все время благодарить его за чувство меры.

Фашисты выволокли Мамлока на улицу, они разорвали на нем его белую халат и начертили мелом на груди «Jude», они ведут его по улицам, избиваясь над ним на помешанные кучки темных, зверинских наци. Межвинский вступает в фазу подлинной трагедии; есть в этом защитнике быстрой Германии, образованном европейце, что-то от старинных его современников, по-корно уходивших на позор и смерть. Мамлок в эти мгновения напоминает нам фейхтвагенерского адвоката Геера. Но время теперь другое. Истерзанный Мамлок шлепает по улице, победители смеются, но достаточно взглянуть в глаза Мамлоку, чтобы понять, что победитель в этой толпе — он, а не его конвоиры. Истерзанный Мамлок величественен в этой сцене, как истерзанный Лир. К сожалению, Межвинский не находит в себе такой силы в самый решающий момент, когда Мамлок навсегда распрощался со своими старыми представлениями и громит с балкона озверевших фашистов. Здесь Межвинский слишком будничен, здесь он не нашел перехода, и красное не напел, и потому образ не получил завершения. Именно здесь талантливый Межвинский должен был вызвать к жизни все свои силы, побольше поработать.

В этом хорошем, умном и полном драматического напряжения фильме слабыми местами оказались массовые сцены. Бумажная фабрика получилась фабрикой вообще, чем-то знакомым, виденным; мало удалось и типы отдельных рабочих. В общих сценах революционного подполья зритель обнаруживает хорошую выдумку. Как всякая хорошая художественная выдумка, она очень близка к правде жизни. Глядя на этих мужественных людей, создающих народный фронт и продолжающих борьбу с фашизмом в подполье, веришь в победу их дела. Но как и Межвинский, режиссеры картины не нашли в себе в решающий момент достаточных сил, чтобы сделать финал таким же художественно завершенным, как другие части картины.

Картина — значительная, она будет волновать и наш народ и народы Запада. Картина сделана правдиво, она — художественное произведение и потому по-настоящему полезна. Не один Мамлок из Парижа или Лондона — будь то арест или неарест — узнает себя в прекрасном образе, созданном Межвинским.

Г. ПОЛТАНОВ

Сочинения Грибоедова

Печатающийся в Ленгослитиздате одно-томный сочинений А. С. Грибоедова будет первым советским изданием сочинений Грибоедова. Помимо «Горя от ума», которое печатается по тексту подлиннейшего из авторизованных списков комедии, так называемого «Булгаринского списка», с проверкой и отдельными исправлениями по более ранним спискам, будут помещены в отношении еще следующие драматические произведения Грибоедова: написанная А. С. Грибоевым совместно с П. А. Катениным; олюкская комедия в стихах «Притворная неверность»; отрывок

из комедии «Своя семья, или замужняя невеста»; олюкская опера-водеvil «Кто брат, кто сестра, или обмен за обменом», написанная Грибоевым совместно с П. А. Вяземским; «Проба интермедии»; наброски и планы — «Раматин и Зенобия», «Юность вещей», «Грузинская ночь» и др. Полностью будут даны стихотворения А. С. Грибоедова. В последнем разделе будут помещены его статьи, корреспонденции, путевые заметки и письма (избранные).

Предисловие к книге и примечания написаны В. Н. Орловым.

В ТАТАРСКОЙ АССР

Татарские поэты закончили коллективную большую поэму, посвященную 20-летию ВЛКСМ. Это уже третья поэма на татарском языке, написанная коллективом поэтов.

Поэма будет напечатана в журнале «Совет алабате» и выйдет отдельным изданием в Таттосиздате.

Писатели и поэты Татарии сдали два литературно-художественных сборника в Таттосиздат, посвятив их 20-летию ленинско-сталинского комсомола.

При Комитете по делам искусств Совнаркома Татарии организован кабинет музыкального фольклора под руководством композитора А. С. Ключарева. Подготавливается к печати около ста песен.

В БАШКИРСКОЙ АССР

Совнарком Башкирской АССР объявил конкурс на лучшие башкирские драматические произведения для постановки в Академическом башкирском и колхозно-совхозных театрах. Выделено пять премий. Первая премия — пять тысяч рублей.

Башкирские поэты-комсомольцы коллективно готовят поэму к 20-летию ленинско-сталинского комсомола на тему «Орденосный Башкурдистан».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗАЙЦА И ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ КАРИНСКОГО

В этом году Детиздат выпустил 200-тысячным тиражом забавную книжечку для малышей «Приключения зайца». С гермом этого произведения, состоящего из нескольких рисунков и кратких подписей к ним, случаются невероятные и интересные вещи. Он скрывается от волка в мышеловке, шлет крохотные брочки для медведя и т. п. Все это очень весело.

Не менее только автору сюжета «Приключения зайца» Е. Каринскому. Больше года пришлось ему обивать пороги издательства и, по вине последнего же, пять раз трепать нервы в народном суде, чтобы доказать бессонный, казался бы, факт своего авторства. На книжке имя Каринского не обозначено, гонимый ему не уплачен.

Начало «романа» Каринского с Детиздатом вовсе не прелюдия такого исхода. Автор принес готовую рукопись — сценарий рисунков и подписи. С ним заключили договор. Мало того, через два месяца Каринского вызвали в Детиздат и попросили написать еще одну серию «Приключений зайца». Спустя семь дней автор представил рукопись. Ее одобрили и заключили с ним второй договор.

Потом в издательстве решили заменить прозаические подписи под рисунками стихотворными и заверили автора, что он не потеряет ни морального, ни материального ущерба. Каринский согласился. А в издательстве ничего сумящееся расторгли договор — и автору об этом ни слова. После выхода книги Каринский предъявил Детиздату иск в размере 6.200 рублей.

Издательство с усердием, достойным лучшего применения, велически отглаголю уплату гонимому. Представители Детиздата то заявляли, что работы Каринского были забракованы, но никакие документы не представляли, то требовали авторитетной экспертизы.

8 сентября на заседании суда явился редактор Детиздата Я. Кун. Представитель издательства заявил, что в какой-то степени денежные претензии Каринского основательны.

Народный суд 3-го участка Куйбышевского района признал Н. Каринского автором сюжета «Приключения зайца».

Иск Каринского удовлетворен полностью. М. ПАВЛОВ

ЗАПИСИ БЕЛУРОССКОГО ФОЛЬКЛОРА

В Минск из Полесской области (БССР) вернулась фольклорная экспедиция Академии наук Белоруссии. Экспедиция за 40 дней записала около 400 народных песен с мелодиями.

Произведена также запись на фонограф мелодий и текстов малоизвестных народных танцев «Плетень», «Уточка», «Гусачок», «Труба» и номеров инструментальной народной музыки — на скрипках, гармониях и дудках.

Собранные сказки о гражданской войне, загадки и пословицы.

Произведенные экспедицией музыкальные записи будут включены в трехтомник «Песни белорусского народа», первый том которого подготовлен к печати.